

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

Роману суждены хвалебные рецензии критиков
и блестящая экранизация

Entertainment Weekly

Тайна моего мужа

Некоторым тайнам
лучше оставаться
взаперти...

и

Лиана Мориарти

Annotation

Некоторым тайнам лучше оставаться взаперти навсегда. Представьте себе, что ваш муж написал письмо, которое вы должны вскрыть после его смерти. Вообразите, что письмо раскрывает мрачную тайну, которая способна разрушить не только ваш устоявшийся быт, но и искалечить судьбы многих окружающих вас людей. Сесилия Фицпатрик – прекрасная жена и мать трех подрастающих дочерей – случайно находит письмо, написанное ее супругом много лет назад с просьбой вскрыть после его смерти. Но ее муж еще жив и здоров. Он просит ни в коем случае не вскрывать это послание. Однако Сесилия все же вскрывает письмо, и страшная тайна, которую она узнает из него, кардинально изменяет жизнь не только ее семьи, но и людей, которых она едва знает... Впервые на русском языке! Трейлер к этой книге

Лиана Мориарти

Тайна моего мужа

* * *

*Адаму, Джорджу и Анне.
И Амелии*

Грешить как люди и как Бог прощать.

Александр Поуп. Опыт о критике.

Перевод А. Субботина

Бедняжка Пандора! Зевс отсылает ее в супруги не слишком умному Эпиметею, которого она даже ни разу не видела, вручив таинственный закрытый сосуд. Никто ничего ей не объясняет. Открывать сосуд не запрещали, – естественно, она его открывает. Почему бы и нет? Откуда ей было знать, что все эти страшные напасти со свистом вылетят наружу, дабы вечно терзать человечество, а на дне останется лишь надежда? Почему на нем не было этикетки с предупреждением?

А затем началось: «Ох, Пандора, где же была твоя сила воли? Говорили же тебе не открывать ларец, пронырливая ты девица, типичная баба с неумным любопытством. Так погляди же, что ты натворила». А между прочим, прежде всего, это был кувшин, а не ларец, и потом, сколько можно повторять: никто и словом не обмолвился, что его нельзя открывать!

Виной всему была Берлинская стена.

Если бы не Берлинская стена, Сесилия никогда бы не нашла письмо и теперь не сидела бы тут, за кухонным столом, раздумывая, следует ли его вскрыть.

Конверт посерел от тонкого слоя пыли. Имя адресата было выведено синей шариковой ручкой, царапавшей бумагу, а почерк этот она знала не хуже своего. Запечатали конверт пожелтевшим клочком клейкой ленты. Сколько ему лет? Письмо казалось старым, будто было написано давным-давно, но точно не скажешь.

Сесилия не собиралась его вскрывать. Было совершенно очевидно, что не следует этого делать. Среди всех знакомых она славилась решительностью, и раз уж ей кажется, что вскрывать не надо, то и раздумывать не о чем.

Хотя, с другой стороны, даже если она его распечатает, что в этом такого? Любая женщина так и поступила бы без особых раздумий. Сесилия перебрала в уме подруг и прикинула, что бы те ответили, позвони она им сейчас и спроси их мнения.

Мириам Опенгеймер: «Ага. Вскрой его».

Эрика Эджклифф: «Ты что, шутишь?! Вскрывай сейчас же».

Лора Маркс: «Да, ты должна его вскрыть, а потом прочти мне».

Сара Сакс... Сару спрашивать бессмысленно, потому что она совершенно не способна принимать решения. Не ответит даже на вопрос, предпочитает она чай или кофе: будет сидеть добрую минуту с наморщенным лбом, как будто мучительно взвешивая преимущества и недостатки каждого напитка, а потом наконец скажет: «Кофе! Нет, погоди, чай!» Подобная же дилемма довела бы ее до припадка.

Махалия Рамачандран: «Ни в коем случае. Это крайне неуважительно по отношению к твоему супругу. Тебе нельзя вскрывать это письмо».

Порой Махалия бывала чересчур уверена в себе, да еще и смотрела при этом огромными карими укоряющими глазами.

Сесилия оставила письмо на кухонном столе и пошла ставить чайник.

Будь проклята Берлинская стена, и холодная война, и тот тип, кем бы он ни был, который в тысяча девятьсот сорок каком-то году сидел и раздумывал, как бы поступить с неблагодарными немцами. А потом вдруг щелкнул пальцами и заявил: «Ей-богу, придумал! Мы построим чертову огромную стену, чтобы держать ублюдков за ней!»

Хотя маловероятно, чтобы он при этом выражался, словно старшина британской армии.

Эстер наверняка знает, кому именно пришло в голову построить Берлинскую стену. Даже дату рождения назовет. И скорее всего, это окажется мужчина: только мужчина мог бы выдумать нечто настолько жестокое, по сути своей глупое и все же безжалостно действенное.

Интересно, это с ее стороны сексизм – думать так?

Сесилия наполнила чайник, включила его и бумажным полотенцем стерла капли воды, брызнувшие в раковину, чтобы та засверкала.

На прошлой неделе, перед собранием праздничного комитета, одна из мам, чьи трое сыновей-школьников приходились плюс-минус ровесниками трем дочерям Сесилии, назвала какое-то ее замечание «самую чуточку сексистским». Сесилия не могла припомнить собственные слова, но она точно всего лишь шутила. И, в любом случае, разве женщины не

имеют права на сексизм в ближайшую пару тысяч лет, пока не сравняют счет?

Может, она и сексистка.

Чайник вскипел. Сесилия поболтала в чашке пакетиком «Эрл грея», наблюдая, как темные завитки расплзаются по воде, словно чернила. Бывают вещи и похуже сексизма. Скажем, можно оказаться одной из тех особ, кто складывает пальцы щепотью, произнося «самую чуточку».

Сесилия посмотрела на заваренный чай и вздохнула. Бокал вина пришелся бы сейчас более кстати, но на время Великого поста она отказалась от алкоголя. Осталось всего шесть дней. Она припасла бутылочку дорогого «Шираза», чтобы открыть ее в пасхальное воскресенье, когда на обед придут тридцать пять взрослых и двадцать три ребенка, так что он ей пригодится. Хотя, конечно же, она давно наострилась развлекать гостей. Родственники собирались у них на Пасху, День матери, День отца и Рождество. У Джона Пола было пятеро младших братьев, все женатые и с детьми, так что толпа выходила немаленькая. Ключом к успеху было планирование. Скрупулезное планирование.

Она взяла чай и отошла с ним к столу. И зачем она отказалась на время поста именно от вина? Полли вот поступила разумнее: решила воздерживаться от клубничного варенья. Прежде Сесилия не замечала, чтобы Полли проявляла к клубничному варенью хотя бы мимолетный интерес, зато теперь, разумеется, то и дело заставляла дочь перед открытым холодильником тоскливо созерцающей банку. Запретный плод!

– Эстер! – окликнула Сесилия.

Дочери в соседней комнате смотрели шоу «Потерявший больше всех» и грызли чипсы с солью и уксусом из огромного пакета, оставшегося с давешнего пикника в честь Дня Австралии. И почему три ее стройные дочери так любят смотреть, как тучные люди потеют, плачут и голодают? И непохоже, чтобы это прививало им склонность к более здоровому питанию. Стоило бы зайти к ним и отобрать чипсы, но они без единой жалобы поужинали лососем со сваренной на пару брокколи, и ей не хватило бы духу на споры.

– И за ничего вы не получаете ничего! – донесся громкий возглас из телевизора.

Пожалуй, ее дочерям даже полезно это услышать. Кто может знать это лучше Сесилии! И все же ей не нравилось выражение легкого отвращения, мелькающее на их гладких юных лицах. Она всегда бдительно следила за тем, чтобы не позволять себе при детях отрицательных суждений о чьей-то внешности, хотя того же нельзя сказать о ее подругах. Только на днях Мириам Опенгеймер заявила достаточно громко, чтобы расслышали все их впечатлительные дочери: «Боже, только посмотри на мой живот!» – и прихватила складку кожи кончиками пальцев, словно какую-то гадость. Отлично, Мириам, как будто наших дочерей и без того ежедневно по миллиону раз не призывают возненавидеть собственное тело.

Сказать по правде, живот Мириам и впрямь выглядел несколько рыхловатым.

– Эстер! – позвала Сесилия снова.

– В чем дело? – отозвалась та терпеливым, нарочито покладистым тоном, в котором Сесилия заподозрила неосознанное подражание ее собственному.

– Кому пришло в голову построить Берлинскую стену?

– Ну, считается, что это был Никита Хрущев! – немедленно ответила Эстер, выговорив экзотическое имя с явным удовольствием и собственной неподражаемой имитацией русского произношения. – Он был вроде как премьер-министром России, только первым секретарем. Но это мог быть и...

– Эстер, заткнись! – незамедлительно откликнулись ее сестры со своей обычной безупречной любезностью.

– Эстер! Я не слышу телевизора!

– Спасибо, милая! – поблагодарила ее мать.

Сесилия отпила чая и вообразила, как отправляется в прошлое и ставит этого Хрущева на место.

«Нет, мистер Хрущев, не будет вам никакой стены. Она не докажет, что коммунизм работает. И вообще ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Послушайте, я согласна, что капитализм не самая лучшая идея. Хотите, покажу вам последний оплаченный мной счет? Но вам действительно нужно еще раз хорошенько поразмыслить».

И если бы он послушал, пятьдесят лет спустя Сесилия не нашла бы это письмо, из-за которого сейчас чувствует себя такой... как же это называется?

Неспособной сосредоточиться. Так будет точнее всего.

Ей нравилось ощущать себя сосредоточенной. Она гордилась своим умением сосредотачиваться. Ее повседневная жизнь состояла из тысячи крохотных проблем: «нужен кориандр», «стрижка Изабелы», «кто будет во вторник присматривать за Полли на балете, пока я поведу Эстер к логопеду?» – словно это была одна из огромных мозаик, над которыми часами трудилась Изабель. И все же Сесилия, никогда не имевшая терпения на головоломки, точно знала, где должен располагаться каждый кусочек ее жизни и к чему его пристроить.

И ладно, может, ее жизнь и не была такой уж неординарной или впечатляющей. Она занималась школьными делами и подрабатывала консультантом в «Таппервере»^[1] – не актриса, не актуарий^[2] или, скажем... поэтесса, проживающая в Вермонте. Недавно Сесилия узнала, что Лиз Брган, с которой она вместе училась в средней школе, переехала в Вермонт и стала поэтессой, да еще и получала какие-то премии. Та самая Лиз, которая ела бутерброды с сыром и «Веджимайтом»^[3] и постоянно теряла автобусный проездной. Сесилии потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы удержаться от досады по этому поводу. Не то чтобы ей хотелось писать стихи. Но все же, если подумать, кому и светила заурядная жизнь, так это Лиз Брган.

Разумеется, Сесилия всегда и стремилась именно к заурядности. «Вот такая я, типичная мама из пригорода», – порой ловила она себя на мысли, как если бы ее обвиняли в стремлении стать кем-то иным, более значительным.

Другие матери твердили, что сбиваются с ног, что им трудно сосредотачиваться на чем-то, и постоянно спрашивали: «Сесилия, как же ты со всем этим справляешься?» А она не знала, что ответить. Она толком и не понимала, что они находят таким затруднительным.

Но сейчас почему-то казалось, что ее жизненный уклад под угрозой, хотя она не могла бы объяснить, в чем дело.

Может, это и не имело отношения к письму. Возможно, все дело в гормонах. По словам доктора Макатура, у нее «возможно, начинается менопауза». «О, ничего подобного!» – машинально отозвалась Сесилия, как будто в ответ на мягкое, беззлобное оскорбление.

Возможно, это как раз и есть та смутная тревога, которую, как она слышала, испытывают некоторые женщины. Другие женщины. Склонность людей волноваться всегда казалась ей трогательной. Если Сесилии попадались милые беспокойные особы вроде Сары Сакс, ей всегда хотелось погладить их по полной тревог головке.

Может быть, если она вскрыет письмо и убедится, что в нем нет ничего важного, ей удастся сосредоточиться снова. У нее еще много дел: сложить две корзины выстиранного

белья, сделать три срочных телефонных звонка, испечь к завтрашнему собранию безглютеновый корж для страдающих целиакией членов команды, занимающейся школьным веб-сайтом (то есть для Джанин Дэвидсон).

Да и помимо письма, у нее было о чем беспокоиться.

Например, вопрос секса. Он постоянно маячил в ее мыслях где-то на заднем плане.

Она нахмурилась и скользнула ладонями по бокам в области талии. По «косым мышцам», как называл их ее тренер по пилатесу. Ох, на самом деле вопрос секса не имеет значения. Она вовсе о нем не думает. Отказывается о нем думать. Это совершенно неважно.

Быть может, и впрямь с того самого утра в прошлом году ее не оставляло затаенное ощущение уязвимости. Ясное осознание того, что мир кориандра и стираного белья может исчезнуть в одно мгновение, и тогда вся твоя заурядность испарится, а ты внезапно рухнешь на колени, запрокинув лицо к небу. Кто-то будет бежать тебе на помощь, а другие поспешно отвернутся, не произнося, но отчетливо думая: «Только бы это не коснулось меня».

Сесилия увидела это снова, в тысячный раз: как летит маленький Человек-паук. Она была из тех женщин, кто побежал. Ну разумеется, она кинулась из машины, распахнув дверцу, хотя и понимала: тут уже ничем не поможешь, как ни старайся. Это была не ее школа, не ее район, не ее приход. Никто из ее детей ни разу не играл с тем малышом, а она сама никогда не пила кофе с упавшей на колени женщиной. Она всего лишь по случайности остановилась на светофоре по другую сторону от перекрестка, когда это произошло. Маленький мальчик, должно быть лет пяти, одетый в красно-синий костюм Человека-паука, ждал у края дороги, держа мать за руку. Шла Неделя книги, поэтому ребенок был в костюме.

«А ведь, собственно говоря, Человек-паук вовсе не книжный персонаж», – подумала еще Сесилия, глядя на него.

И тут, по неведомой ей причине, малыш отпустил руку матери и шагнул с края тротуара в поток машин. Сесилия закричала. И еще, как она вспомнила позднее, бессознательно ударила кулаком по гудку.

Если бы Сесилия подъехала на пару мгновений позже, то не увидела бы, как все произошло. Десятью минутами позже – и смерть мальчика означала бы для нее всего лишь очередной вынужденный объезд. Теперь же это стало воспоминанием, из-за которого, вероятно, ее внуки когда-нибудь попросят: «Бабушка, не сжимай мою руку так сильно».

Да, но какая может быть связь между маленьким Человеком-пауком и этим вот письмом?

Он просто вспоминался ей время от времени.

Сесилия ногтем смахнула письмо на дальний край стола и взяла библиотечную книгу, принесенную Эстер, – «Строительство и падение Берлинской стены».

Итак, Берлинская стена. Замечательно.

Впервые она узнала, что Берлинская стена вот-вот станет существенной частью ее жизни, сегодня за завтраком.

Они с Эстер сидели за кухонным столом вдвоем: Джон Пол до среды улетел за океан, в Чикаго, а Изабель с Полли еще спали.

Обычно Сесилия по утрам не присаживалась и завтракала стоя, у рабочего стола, и одновременно собирала школьные обеды, проверяла на айпаде заказы из «Таппервера», разгружала посудомоечную машину, писала клиентам сообщения о вечеринках или занималась еще чем-нибудь. Но тут ей выдалась редкая возможность провести немножко времени наедине со своей чудаковатой, любимой средней дочерью, так что, пока Эстер

расправлялась с миской воздушного риса, она присела рядом с чашкой мюсли и подождала.

Этому она научилась, общаясь с дочерями. Не говори ни слова. Не задавай вопросов. Дай им достаточно времени, и они сами расскажут, что у них на уме. Это похоже на рыбалку, которая тоже требует тишины и терпения. По крайней мере так ей говорили. Сама Сесилия скорее начала бы заколачивать себе в лоб гвозди, чем отправилась бы рыбачить.

Молчание давалось ей нелегко: Сесилия была болтушкой. «Серьезно, ты хоть иногда затыкаешься?» – спросил ее как-то тогдашний парень. Особенно много она болтала, когда тревожилась. Должно быть, с ним ей было тревожно. Впрочем, счастье делало ее не менее разговорчивой.

Но этим утром она не произнесла ни слова – просто ела и ждала, и, разумеется, Эстер заговорила первой.

– Мам, – начала она хриловатым и уверенным голосом, слегка шепелявя. – Ты знала, что несколько человек сбежали за Берлинскую стену на самодельном воздушном шаре?

– Нет, этого я не знала, – откликнулась Сесилия, хотя, возможно, она об этом и слышала. «Прощай, „Титаник“, привет, Берлинская стена», – подумала она.

Она бы предпочла, чтобы Эстер поделилась с ней собственными переживаниями, тревогами из-за школы или друзей, спросила, откуда берутся дети. Но нет, дочери хотелось поговорить о Берлинской стене.

С трехлетнего возраста на Эстер время от времени накатывали разные увлечения, или, точнее, почти мании. Первыми оказались динозавры. Конечно, множеству детей нравятся динозавры, но интерес Эстер был, сказать по правде, несколько утомительным и своеобразным. Ничто другое ребенка не занимало. Она рисовала динозавров, играла в динозавров, наряжалась динозавром. «Я не Эстер, – заявляла она. – Я ти-рекс». Каждая сказка на ночь должна была повествовать о динозаврах. Каждый разговор должен был каким-либо образом затрагивать динозавров. Повезло еще, что Джон Пол разделял этот интерес, поскольку Сесилия не могла говорить на данную тему больше пяти минут. Они же вымерли! О них вообще нечего сказать! Джон Пол ездил с Эстер по музеям, приносил для нее книги, часами беседовал с дочерью о травоядных и хищниках.

С тех пор увлечениями Эстер становились самые разные вещи: от американских горок до тростниковых жаб. Последним был «Титаник». Теперь, к десяти годам, она достаточно повзрослела, чтобы проводить собственные исследования в библиотеке и в Сети, и Сесилию поражали собранные ею сведения. Какая десятилетка станет читать в кровати исторические книги, настолько огромные и толстые, что она едва способна их поднять?

«Поощряйте ее!» – советовали школьные учителя, но порой Сесилия беспокоилась. Даже опасалась, не страдает ли Эстер легкой формой аутизма или, по крайней мере, расстройством аутистического спектра. Мать Сесилии рассмеялась, когда она поделилась с ней своими тревогами. «Но ты же была точь-в-точь такой же! – возразила она. Хотя вовсе ничего подобного. Содержание в безупречном порядке коллекции кукол Барби не в счет.

– На самом деле у меня есть кусок Берлинской стены, – внезапно вспомнив об этом, призналась Сесилия этим утром и с удовольствием заметила, как в глазах дочери вспыхнул интерес. – Я побывала в Германии после того, как ее снесли.

– Можно посмотреть?

– Можешь забрать его себе, милая.

Для Изабелы и Полли – украшения и наряды. Для Эстер – кусок Берлинской стены.

В 1990 году Сесилия, которой тогда было двадцать, отправилась в шестинедельную

поездку по Европе со своей подругой Сарой Сакс. Знаменитая нерешительность Сары вкупе со знаменитой решительностью Сесилии превратили их в идеальных попутчиц: никаких споров между ними и быть не могло.

За несколько месяцев до того объявили о сносе стены. Добравшись до Берлина, девушки обнаружили выстроившихся вдоль сооружения туристов, пытающихся отколоть по кусочку на память с помощью ключей, камней и прочих подручных орудий. Стена напоминала огромную тушу дракона, некогда державшего город в страхе, а туристы – воронов, расклеивающих останки.

Без инструментов было почти невозможно отколоть приличный кусок, так что Сесилия с Сарой решили (ну, то есть Сесилия решила) купить сувениры у предприимчивых местных жителей, разложивших тряпицы с товарами тут же поблизости. Капитализм воистину торжествовал. Можно было купить булжник любого вида, от серых осколков размером со стеклянный шарик до огромных глыб с сохранившимися граффити.

Сесилия не помнила, сколько заплатила за серый камешек, который, судя по виду, могли подобрать на любом газоне перед домом. «И вероятно, так и было», – заметила Сара, когда они вечером уезжали на поезде из Берлина. И они посмеялись над собственной доверчивостью, но, по крайней мере, почувствовали себя причастными к истории. Сесилия спрятала свой осколок в бумажный пакет, написала его «Мой кусок Берлинской стены» и, вернувшись в Австралию, бросила в коробку с прочими сувенирами: картонными подставками под бокалы, проездными билетами, меню, заграничными монетками и гостиничными ключами.

Теперь Сесилия жалела, что не уделила стене больше внимания, не сделала больше фотографий, не запомнила больше баек, которыми могла бы поделиться с Эстер. Собственно говоря, из той поездки в Берлин ей лучше всего запомнились поцелуи с симпатичным молодым немцем-шатеном в ночном клубе. Он все время вылавливал из своего бокала кубики льда и водил ими вдоль ее ключиц. Тогда это казалось Сесилии невероятно эротичным, а теперь – негигиеничным, да и кожа потом была вся липкая...

Если бы только она была одной из тех любознательных, сведущих в политике девушек, которые расспрашивали местных о том, каково это было – жить в тени стены. Вместо этого она теперь могла поведать подрастающему поколению только о поцелуях и кубиках льда. Конечно, Изабель и Полли с огромным удовольствием послушали бы и про это. Или только Полли. Изабель, вероятно, уже вошла в тот возраст, когда отвращение внушает сама мысль о том, что ее мать могла с кем-то целоваться.

Сесилия внесла строчку «Найти кусок Берлинской стены для Э.» в список дел на день: в нем значилось двадцать пять пунктов и для его составления она пользовалась специальным приложением на айфоне. Примерно в два часа пополудни она отправилась на чердак – искать свой кусок истории.

«Чердак», пожалуй, было слишком громким наименованием для кладовки под крышей. Чтобы туда попасть, нужно было выдвинуть вниз лестницу из люка в потолке.

Наверху она не могла бы привстать с коленей, не стукнувшись головой. Джон Пол наотрез отказывался туда лазать. Он страдал жесточайшей клаустрофобией и ежедневно пешком поднимался до кабинета по шести лестничным пролетам, лишь бы не пользоваться лифтом. Бедняге частенько снились кошмары, будто он заперт в комнате, стены которой сдвигаются. «Стены!» – выкрикивал он и просыпался весь в поту и с диким взглядом. «Тебя в детстве не запирали в чулане?» – спросила его как-то Сесилия. От его матери вполне можно

было ожидать чего-то такого, но он заверил, что ничего подобного не было. «Вообще-то, в детстве Джону Полу никогда не снились кошмары, – сообщила Сесилии его мать, когда та спросила ее. – Он прекрасно спал. Может, ты кормишь его на ночь слишком жирной пищей?» Сесилия уже привыкла к его кошмарам.

Чердак был тесен и набит битком, но, разумеется, содержался в идеальной чистоте и порядке. В последние годы стремление к порядку, похоже, стало одной из наиболее характерных для нее черт. Словно она была мелкой знаменитостью с единственным поводом притязать на славу. Забавное дело: стоило лишь семье и друзьям Сесилии начать обсуждать ее организованность и подсмеиваться над ней, как та будто начала сама себя поддерживать – и теперь все у нее оказалось исключительно хорошо организовано, как если бы семейная жизнь была спортом и она ставила в нем рекорды. Словно она думала: «Как далеко я могу зайти? Как много еще я могу охватить, не утратив контроля?»

И именно поэтому, в то время как у других людей, вроде ее сестры Бриджет, целые комнаты в домах были набиты пыльным хламом, на чердаке Сесилии стояли ряды белых пластмассовых контейнеров с четкими ярлычками. Картину портила только башня из обувных коробок в углу, принадлежавшая Джону Полу. Ему нравилось хранить квитанции за каждый финансовый год в отдельной обувной коробке. Он завел эту привычку много лет назад, еще до знакомства с Сесилией, и гордился своими коробками. А ее так и подмывало сказать, что картотечный шкаф гораздо лучше подошел бы для этого дела.

Благодаря ярлычкам она почти сразу же нашла свой кусок Берлинской стены. Она сняла крышку с контейнера, помеченного «Сесилия: путешествия/сувениры. 1985–1990», и там он и лежал в выцветшем коричневом бумажном пакете. Ее маленький кусочек истории. Она вытащила осколок камня (или цемента?) и взвесила на ладони. Он оказался еще меньше, чем ей помнилось. Ничего особенно впечатляющего, но, будем надеяться, он сумеет вызвать одну из редких кривоватых улыбок Эстер. За улыбку Эстер приходилось усердно трудиться.

Затем Сесилия позволила себе отвлечься: порыться в коробке и посмеяться над собственной фотографией с молодым немцем, любителем кубиков льда. Да, она ежедневно добивалась многого, но все же не была роботом и порой тратила немножко времени на пустяки. Как и кусочек Берлинской стены, немец оказался куда менее впечатляющим, чем ей помнилось. А потом зазвонил городской телефон, выдернув ее из прошлого; она вскочила чересчур поспешно и больно ударилась головой о потолок. Стены, стены! Она чертыхнулась, отшатнулась и врезалась локтем в башню из обувных коробок Джона Пола.

Как минимум три картонки потеряли крышки и рассыпали содержимое, образовав небольшой бумажный оползень. Вот именно поэтому обувные коробки и не были такой уж блестящей идеей.

Сесилия выругалась снова и потеряла ушибленную голову. В коробках хранились документы еще восьмидесятых годов. Она принялась было складывать квитанции стопкой в коробку, но вдруг зацепилась взглядом за собственное имя на белом деловом конверте.

Она взяла его в руки и узнала почерк Джона Пола.

Там было написано:

Моей жене Сесилии Фицпатрик.

Вскрыть только в случае моей смерти.

Сесилия засмеялась, но вдруг осеклась, как будто на вечеринке расхохоталась над

чьими-то словами, а потом осознала, что они не были шуткой и ее собеседник на самом-то деле вполне серьезен.

Она перечитала надпись. «Моей жене Сесилии Фицпатрик». Удивительное дело – на миг ее щеки потеплели, словно от смущения. За него или за себя? Точно она не знала. Казалось, она наткнулась на нечто постыдное, как будто застала его онанирующим в ванной. Мириам Опенгеймер как-то застучала Дуга за этим занятием, и, как это ни ужасно, все об этом знали: после первого же бокала шампанского секреты начинали выплескиваться из Мириам, а если ты уже узнал нечто подобное, забыть об этом совершенно невозможно.

Что там написано? Сесилия прикинула, не вскрыть ли конверт прямо на месте, пока она не успела все обдумать. Так же порой (правда, не слишком часто) она запихивала в рот последнее печенье или шоколадку, пока совесть не спохватилась и не совладала с жадностью.

Телефон зазвонил снова. Часов при ней не было, и внезапно Сесилии показалось, что она напрочь потеряла чувство времени.

Сесилия запихнула оставшиеся бумаги в обувную коробку и забрала с собой вниз кусок Берлинской стены и письмо.

Стоило лишь спуститься с чердака, как ее подхватило и закружило стремительное течение жизни. Нужно было доставить большой заказ от «Таппервера», забрать девочек из школы, купить на ужин рыбу (они часто ели рыбу, когда Джон Пол уезжал по делам, поскольку он терпеть ее не мог), ответить на телефонные звонки. Приходский священник, отец Джо, звонил напомнить о завтрашних похоронах сестры Урсулы. Похоже, его беспокоило, соберется ли народ. Конечно, она пойдет. Сесилия оставила загадочное письмо Джона Пола на холодильнике и перед ужином отдала Эстер кусочек Берлинской стены.

– Спасибо, – отозвалась дочь, с трогательным почтением взяв камешек. – А от какой именно части стены он отколот?

– Ну, по-моему, где-то неподалеку от КПП «Чарли», – ответила Сесилия с жизнерадостной уверенностью.

На самом деле она понятия об этом не имела. Помнила лишь, что на юноше с кубиками льда была красная футболка и белые джинсы и что он приподнял ее собранные в хвост волосы и сказал: «Очень мило».

– А он дорого стоит? – спросила Полли.

– Сомневаюсь. Как ты докажешь, что он действительно из той самой стены? – спросила Изабель. – На вид обычный кусок камня.

– Тест ДМК, – предложила Полли.

Этот ребенок слишком много смотрит телевизор.

– Не ДМК, а ДНК, и он только для людей, – уточнила Эстер.

– Я знаю!

Прибыв в этот мир, Полли с досадой обнаружила, что ее сестры оказались здесь раньше.

– Что ж, тогда почему...

– А как вы думаете, против кого сегодня проголосуют в «Потерявшем больше всех»? – спросила Сесилия.

«Ну да, – между тем отметила она про себя. – Кто бы там ни наблюдал сверху за моей жизнью, да, я меняю тему с увлекательнейшего периода новой истории, который мог бы действительно чему-то научить моих детей, на дрянную телепрограмму, которая ничему их

не научит, но сохранит покой в семье и не доведет меня до головной боли».

Если бы Джон Пол был дома, она, вероятно, не стала бы менять тему. В присутствии зрителей она была гораздо лучшей матерью.

Остаток ужина девочки болтали о «Потерявшем больше всех», а Сесилия изображала на лице интерес и размышляла о письме на холодильнике. Когда со стола было убрано, а дети прилипли к телевизору, она вновь достала его оттуда, чтобы еще раз взглянуть.

Отставив чашку с чаем, она поднесла конверт к свету, слегка посмеиваясь над собой. Похоже, внутри лежал исписанный от руки линованный тетрадный лист. Ни слова разобрать не удалось.

Может, Джон Пол увидел по телевизору какую-нибудь передачу о том, как солдаты в Афганистане писали семьям, чтобы эти письма отправили в случае их гибели, словно послание из могилы, и подумал, не сделать ли и ему нечто в этом же роде?

Она попросту не могла представить, как он садится и принимается за подобное дело. Слишком уж сентиментально.

Хотя и мило. Он хотел бы, чтобы и после его смерти они знали, как сильно он их любил. «В случае моей смерти». Почему он задумался о смерти? Он болел? Но это письмо, похоже, было написано давным-давно, а он все еще жив. Кроме того, он проходил осмотр всего пару недель назад, и доктор Клюгер нашел, что он «здоров как жеребец». В последующие дни Джон Пол то и дело принимался гарцевать по дому, запрокидывая голову и подражая лошадиному ржанию, а Полли каталась у него на спине, вместо кнута крутя над головой кухонным полотенцем.

Вспомнив это, Сесилия улыбнулась, и ее тревога рассеялась. Значит, несколько лет назад Джон Пол поддался нехарактерно сентиментальному порыву и написал это письмо. И не из-за чего так себя накручивать. И конечно, не следует его вскрывать ради одного любопытства.

Она глянула на часы – почти восемь вечера. Скоро он позвонит. Обычно он, уехав из дома, каждый вечер звонил примерно в это время.

Сесилия даже не собиралась упоминать о письме. Это его смутит. Да и кто же обсуждает такие вещи по телефону?

Интересно, а как она должна была, по его мнению, обнаружить это письмо в случае его смерти? Она могла бы и вовсе его не найти! Почему он не отдал конверт Дугу Опенгеймеру – их поверенному и мужу Мириам? Однако как же трудно не думать о нем в ванной всякий раз! Конечно, это никак не сказывается на его квалификации как юриста, – возможно, это больше говорит о способностях Мириам в спальне. По отношению к Мириам Сесилия всегда испытывала некое чувство соперничества.

Разумеется, учитывая все обстоятельства, сейчас не время упиваться сознанием своей сексуальности.

«Прекрати! – велела она себе. – Не думай о сексе».

Как бы там ни было, со стороны Джона Пола было глупо не отдать письмо Дугу. Если бы муж умер, она, вероятно, попросту выбросила бы все эти обувные коробки во время очередного приступа уборочной лихорадки, даже не потрудившись проверить их содержимое. Если он хотел, чтобы она нашла письмо, глупо было хранить его среди старых квитанций.

Ведь куда логичнее положить его в папку с копиями их завещаний, страховками и тому подобным.

Джон Пол был одним из самых умных людей, которых она знала, но в повседневной

жизни порой бывал порядком рассеян.

– Совершенно не понимаю, каким образом мужчинам когда-то удалось захватить власть над миром, – только этим утром заявила она Бриджет. А перед этим рассказала ей, что Джон Пол потерял в Чикаго ключи от взятой напрокат машины.

Сесилия чуть с ума не сошла, увидев его сообщение об этом. Она же ничего не могла поделать! Он ничего от нее и не ждал, но все же!

И такого рода происшествия с Джоном Полом случались постоянно. Будучи за океаном в прошлый раз, он забыл в такси ноутбук. Этот человек постоянно что-нибудь терял: бумажники, телефоны, ключи, обручальное кольцо. Его имущество буквально разбегалось от него.

– Им неплохо удастся строить всякие штуки, – предположила ее сестра. – Вроде мостов и дорог. Вот ты смогла бы построить хижину? Самую простую глинобитную хижину?

– Я смогла бы построить хижину, – заверила Сесилия.

– Ты, может, и смогла бы, – простонала Бриджет, как будто это было недостатком. – В любом случае мужчины не правят миром. У нас премьер-министр – женщина. И ты правишь своим миром. Правишь хозяйством Фицпатриков. И в школе Святой Анджелы. И в мире «Таппервера».

Сесилия была председателем родительского комитета начальной школы Святой Анджелы и Ассоциации горожан. А еще она занимала одиннадцатое место по продажам среди консультантов «Таппервера» в Австралии. Ее сестра считала оба этих достижения крайне забавными.

– Я не правлю хозяйством Фицпатриков, – возразила Сесилия.

– Да уж конечно, – расхохоталась Бриджет.

Безусловно, если бы Сесилия умерла, хозяйство Фицпатриков попросту бы... Нет, невыносимо было даже думать о том, что произошло бы тогда. Джон Пол не обошелся бы единственным письмом от нее. Ему понадобилось бы подробное руководство, включающее детальный план дома с указанием мест, где лежит грязное белье, а где – чистое.

Зазвонил телефон, и она схватила трубку.

– Дай я угадаю: наши дочери смотрят на пухлых людей? – спросил Джон Пол.

Ей всегда нравилось, как звучит по телефону его голос: низкий, сердечный и успокаивающий. О да, ее муж был безнадежен, он терял вещи и опаздывал, но заботился о жене и дочерях, повинуюсь старомодным представлениям об ответственности: «я мужчина, и это мой долг». Бриджет была права, Сесилия властвовала над собственным миром, но всегда знала, что в критической ситуации именно Джон Пол спасет их: случись рядом вооруженный безумец, потоп или пожар, именно он, муж и отец, заслонит семью от пули, построит плот, проведет сквозь пылающий ад. А как только все закончится, вернет бразды правления Сесилии, похлопает себя по карманам и спросит: «Никто не видел мой бумажник?»

После того как на ее глазах погиб маленький Человек-паук, первым делом она позвонила Джону Полу, набрав номер трясущимися руками.

– Я тут письмо нашла, – сообщила Сесилия.

Она провела пальцами по надписанному знакомым почерком конверту. Стоило ей услышать голос мужа, как она поняла, что немедленно его об этом спросит. Они женаты вот уже пятнадцать лет. Между ними никогда не было секретов.

– Что за письмо?

– Письмо от тебя, – пояснила Сесилия, пытаясь говорить легко и шутливо, чтобы вся эта ситуация предстала в правильном свете, чтобы содержание этого письма, о чем бы там ни шла речь, ничего не изменило и не испортило. – Мне, чтобы вскрыть в случае твоей смерти.

Невозможно сказать собственному мужу «в случае твоей смерти» так, чтобы голос прозвучал естественно.

Повисло молчание. На миг ей показалось, что их разъединили, но она по-прежнему слышала приглушенный гул разговоров и позвякивание на заднем плане. Похоже, он звонил из ресторана.

Ее желудок сжался.

– Джон Пол?

Если это шутка, – заявила Тесс, – то мне не смешно.

Уилл накрыл ладонью одну ее руку, Фелисити – другую. В таком положении они напоминали парные подпорки для книг.

– Нам очень, очень жаль, – сказала Фелисити.

– Очень жаль, – эхом подхватил Уилл, как будто они пели дуэтом.

Они сидели за большим круглым деревянным столом, за которым иногда беседовали с заказчиками, но чаще ели пиццу. Лицо Уилла было мертвенно-бледным. Тесс различала каждый черный волосок в его щетине, торчащей, словно миниатюрные посевы, на поразительно белой коже. На горле Фелисити проступили три отчетливых красных пятна.

На миг Тесс заорожили эти пятна на недавно похудевшей шее Фелисити, как будто в них скрывался ответ. Они напоминали следы пальцев. Наконец Тесс подняла взгляд и заметила, что глаза Фелисити покраснели и блестят от слез. Ее знаменитые прекрасные миндалевидные зеленые глаза, о которых часто говорили: «Какие чудные глаза у этой толстушки!»

– То есть, если я правильно вас поняла... – начала Тесс, – вы хотите сказать, что вы двое...

Она осеклась. Сглотнула.

– Мы хотели, чтобы ты знала, что на самом деле между нами не было... ничего такого, – перебила ее Фелисити.

– Мы не... ну, ты понимаешь, – подхватил Уилл.

– Вы друг с другом не спали.

Тесс видела, что они гордятся этим и едва ли не ждут от нее восхищения их сдержанностью.

– Совершенно верно, – подтвердил Уилл.

– Но вы хотели бы, – заключила Тесс, едва не смеясь над нелепостью всей ситуации. – Именно это вы и пытаетесь мне сказать? Вы хотите спать вместе.

Они наверняка целовались. И это даже хуже, чем если бы они переспали. Всем известно, что в мире нет ничего более возбуждающего, чем украденный поцелуй.

Пятна на шее Фелисити начали расползаться по подбородку. Она выглядела так, будто ее сразила редкая заразная болезнь.

– Нам очень жаль, – снова повторил Уилл. – Мы старались изо всех сил, чтобы этого не произошло.

– Мы действительно старались, – добавила Фелисити. – Видишь, мы месяцами только...

– Месяцами? Так это происходит уже несколько месяцев!

– На самом деле ничего не произошло, – подчеркнул Уилл торжественно, словно в церкви.

– Ну, кое-что все же произошло, – уточнила Тесс. – И притом довольно-таки важное.

Кто бы мог подумать, что она способна говорить с такой твердостью? Каждое слово походило на бетонный блок.

– Прости, – спохватился Уилл. – Конечно... я только имел в виду... сама знаешь что.

– О Тесс! – Фелисити прижала ко лбу кончики пальцев и расплакалась.

Рука Тесс непроизвольно потянулась ее утешить. Они были ближе, чем родные сестры, –

она всегда так говорила. Их матери были сестрами-близнецами, а Фелисити с Тесс были единственными детьми в семьях, с разницей в возрасте меньше полугода. Они все делали вместе.

Однажды Тесс ударила мальчика – нанесла ему настоящий правый хук прямо в челюсть – за то, что он обозвал Фелисити слоненком, притом что в школьные годы она именно так и выглядела. Выросла Фелисити в толстушку, «большую девушку с хорошеньким личиком». Она пила колу, словно воду, никогда не сидела на диетах, не занималась спортом, и ее, казалось, не особенно беспокоил собственный вес. А затем, примерно полгода назад, она вступила в ряды «Весонаблюдателей»^[4], отказалась от колы, пошла в спортзал, сбросила сорок килограммов и превратилась в красавицу. Именно таких людей ищут для программы «Потерявший больше всех» – сногшибательная женщина в капкане жирного тела.

Тесс искренне радовалась за нее.

– Может, теперь она найдет какого-нибудь хорошего человека, – сказала Тесс Уиллу. – Она стала куда увереннее в себе.

Похоже, Фелисити и впрямь нашла хорошего человека. Самого лучшего, которого знала Тесс, то есть Уилла. И нужно иметь немало уверенности в себе, чтобы увести мужа у двоюродной сестры.

– Мне так жаль, что даже хочется умереть, – рыдала Фелисити.

Тесс отдернула руку. Фелисити – раздражительная, язвительная, веселая, остроумная, толстая Фелисити – заговорила, словно юная американка из группы поддержки.

Уилл запрокинул голову и уставился в потолок, стиснув зубы. Он пытался не расплакаться сам. Последний раз Тесс видела его в слезах, когда родился Лиам.

Глаза Тесс оставались сухими, но сердце колотилось, словно перед лицом смертельной угрозы. Зазвонил телефон.

– Не отвечай, – предложил Уилл. – Рабочий день закончился.

Тесс встала, подошла к своему рабочему столу и взяла трубку.

– Рекламное агентство «ТУФ», – представилась она.

– Тесс, милочка, я в курсе, что уже поздно, но у нас тут небольшое затруднение.

Звонил Дирк Фримен, коммерческий директор фармацевтической компании «Петра», их самый важный и прибыльный клиент. В обязанности Тесс входило следить за тем, чтобы Дирк ощущал собственную значительность. Уверять его, что, хотя он в свои пятьдесят шесть уже не поднимется выше по карьерной лестнице, тут он важная шишка, а Тесс – его служанка, горничная, призванная всячески ему угождать. И он вправе распоряжаться ею, и флиртовать, и ворчать, и сердиться, и даже если она притворится, будто перечит ему, в конце концов ей придется сделать все так, как он велит. Не так давно ей пришлось в голову, что услуги, которые она оказывает Дирку Фримену, довольно близки к сексуальным.

– Цвет дракончика на упаковках для «Стоп-кашля» совершенно не подходит, – сообщил Дирк. – Он слишком фиолетовый. Чрезмерно фиолетовый. Они уже ушли в печать?

Да, они уже ушли в печать. Пятьдесят тысяч картонных коробочек сегодня сошли с печатных станков. Пятьдесят тысяч безоговорочно фиолетовых дракончиков с зубастыми улыбками.

Сколько трудов было вложено в этих дракончиков! Электронная переписка, обсуждения. И пока Тесс разговаривала о дракончиках, Уилл и Фелисити завели между собой роман.

– Нет, – ответила Тесс, не отводя взгляда от мужа и двоюродной сестры, которые по-прежнему сидели посреди комнаты за столом для совещаний, понуриив головы и разглядывая

собственные пальцы, словно оставленные после уроков подростки. – Вам сегодня везет, Дирк.

– О, а я думал, они уже... Что ж, хорошо.

Ему едва удалось скрыть разочарование. Он хотел, чтобы у Тесс от волнения сбилось дыхание. Жаждал услышать в ее голосе дрожь испуга.

– Нужно приостановить все работы по «Стоп-кашлю», – заговорил он резко и властно, будто собирался повести войска на поле боя. – Ясно?

– Ясно. Приостановить все работы по «Стоп-кашлю».

– Я свяжусь с тобой позже, – сказал он и повесил трубку.

На самом деле с цветом все в порядке. Завтра Дирк перезвонит и скажет, что годится как есть. Ему просто нужно на несколько мгновений ощутить себя могущественным повелителем. Должно быть, на совещании его поставил на место какой-нибудь молодой выскочка.

– Коробки для «Стоп-кашля» сегодня ушли в печать, – напомнила Фелисити, повернувшись на стуле и обеспокоенно глянув на Тесс.

– Неважно, – отмахнулась та.

– Но если он собирается изменить... – начал было Уилл.

– Я сказала, все в порядке.

Пока Тесс не чувствовала настоящей злости, но ощущала приближение такой ярости, какой не испытывала никогда в жизни. Она превращалась в бурлящий котел гнева, способный взорваться огненным шаром и разрушить все в пределах досягаемости.

Садиться обратно она не стала. Вместо этого повернулась и уставилась на пластиковую доску, на которой они составляли список текущих заказов.

Упаковки «Стоп-кашля»!

Печатная реклама «Фезермарта»!

Веб-сайт «Постельных принадлежностей»:)

Как же унижительно смотреть на собственный небрежный, беззаботный, уверенный почерк с легкомысленными восклицательными знаками. На смайлик, поставленный рядом с веб-сайтом «Постельных принадлежностей», – они так жаждали получить этот заказ, вырвав его у более крупных фирм! И вот – они его добились. Она нарисовала этот смайлик вчера, когда еще понятия не имела о тайне, которую хранили Уилл с Фелисити. Обменялись ли они при этом скорбными взглядами за ее спиной? «До смайликов ли ей будет, когда мы раскроем наш маленький секрет?» – думали они.

Телефон зазвонил снова.

На этот раз Тесс оставила работу службе записи и передачи сообщений абонентам.

Рекламное агентство «ТУФ». Имена, сплетенные в крохотное предприятие их мечты. Праздная болтовня на тему «а что, если», которую они и впрямь воплотили в жизнь.

На позапрошлом Рождество они поехали на праздники в Сидней. Как обычно, сочельник они проводили дома у родителей Фелисити, у тетушки Мэри и дяди Фила. Фелисити еще была толстой – такая милая, розовая, потеющая в платье двадцать второго размера^[5]. Как всегда, жарили на решетке колбаски, ели неизменный макаронный салат со сметаной и торт со взбитыми сливками. Фелисити и Уилл хором ныли, жалуясь на работу: некомпетентное руководство, тупые коллеги, сквозняки в кабинетах. И так далее, и тому подобное.

– Эх вы, несчастные жертвы эксплуатации, – заметил дядя Фил, которому не на что было жаловаться, поскольку он уже вышел на пенсию.

– А почему бы вам вместе не организовать свое дело? – спросила мать Тесс.

Они и впрямь трудились в смежных областях. Тесс была менеджером по работе с клиентами в правовой издательской компании из разряда «но мы же всегда делали это именно так». Уилл занимал пост креативного директора в крупном, престижном и до крайности самодовольном рекламном агентстве. Так они и познакомились: Тесс оказалась клиенткой Уилла. Фелисити работала у одного деспота художником-оформителем.

Стоило им об этом заговорить, как идеи посыпались одна за другой, вставая на места. Щелк, щелк, щелк! К тому времени, как они доели торт, все уже было улажено. Уилл станет креативным директором! Ясное дело! Фелисити – главным художником! Конечно же! Тесс – коммерческим директором! Вот это не казалось таким уж очевидным, ведь она никогда не занималась ничем подобным. Тесс всегда представляла сторону заказчика и к тому же в плане общения относилась к интровертам.

Собственно говоря, несколько недель назад в приемной у врача она прошла напечатанный в журнале «Ридерз дайджест» тест под названием «Страдаете ли вы социофобией?». И ее ответы (все «В») подтвердили, что она и впрямь страдает социофобией и ей следует обратиться за профессиональной помощью или «вступить в группу психологической поддержки». Должно быть, все, кто проходил этот тест, получали тот же результат. Если ты не подозреваешь, что страдаешь социофобией, то не станешь и утруждаться прохождением теста, ибо будешь слишком занят болтовней с секретарем.

Конечно, она не обратилась за профессиональной помощью и даже не рассказала о своем открытии ни единой живой душе. Даже Уиллу и Фелисити. Заговори она, и социофобия стала бы реальностью. Они оба начали бы наблюдать за ней на людях и искренне сочувствовать, подмечая унижительные свидетельства ее застенчивости. А она стремилась это скрыть. Когда она была маленькой, мать как-то сказала, что ее застенчивость – это едва ли не своеобразный эгоизм. «Когда ты вот так опускаешь голову, милая, людям кажется, что они тебе не нравятся!» Тесс приняла эти слова близко к сердцу. Она выросла и научилась вести светские беседы, пусть даже сердце заходится от ужаса. Она заставляла себя встречаться с собеседником взглядом, хотя ее нервы визжали, требуя, чтобы она отвернулась. «Слегка простыла», – говорила она, объясняя сухость в горле. Она научилась жить с этим так же, как другие учатся жить с непереносимостью лактозы или чувствительной кожей.

Как бы там ни было, в тот сочельник двухлетней давности Тесс не особенно встревожилась. Это всего лишь разговоры после тетушкиного пунша. На самом деле никто не собирався начинать совместное предприятие. Ей и правда не придется работать с клиентами.

Но потом, когда они уже вернулись в Мельбурн и отмечали Новый год, Уилл с Фелисити все продолжали об этом говорить. В доме Уилла и Тесс имелся просторный подвал с отдельным входом, который предыдущие владельцы отвели под «подростковый клуб». И что они теряют? Стартовыми затратами можно и пренебречь. Уилл и Тесс выплачивали за ипотеку больше, чем необходимо. Фелисити снимала квартиру на пару. Если у них ничего не выйдет, они смогут все бросить и снова найти работу.

Волна их энтузиазма захватила Тесс. Она охотно уволилась из тогдашней фирмы, но, когда она в первый раз сидела за дверью офиса потенциальных клиентов, ей пришлось зажать ладони между коленями, чтобы унять дрожь. Часто она отчетливо ощущала, как трясется голова. Даже теперь, полтора года спустя, каждая встреча с новым заказчиком давалась ей ценой нервного истощения. И тем не менее она непостижимым образом

преуспевала в своей деятельности.

– Вы не такая, как остальные люди из агентств, – заметил однажды клиент под конец их первой встречи, рукопожатием скрепляя сделку. – Вы действительно умеете слушать.

Ужасную нервотрепку уравнивал прилив восторга, который она испытывала всякий раз по завершении встречи. Казалось, она ступает по облакам. Ей снова это удалось! Она сразилась с чудовищем и одержала победу. И, что самое восхитительное, никто даже не подозревал о ее тайне. Она находила заказчиков, бизнес процветал. Благодаря запуску новой линейки продукции, который они организовали для косметической фирмы, их даже номинировали на премию в области маркетинга.

Должность Тесс предполагала, что она часто будет уезжать из конторы, оставляя Уилла и Фелисити наедине на долгие часы. Если бы кто-нибудь спросил, беспокоит ли ее это, она бы рассмеялась и сказала: «Фелисити Уиллу – как сестра».

Она отвернулась от доски. Ноги подкашивались. Она отошла и снова села, выбрав стул по другую сторону стола. И попыталась уложить в голове все происходящее.

Сейчас шесть часов вечера, понедельник. Она находится посреди собственной жизни.

У нее хватало других забот, когда Уилл поднялся из офиса в подвале и сказал, что им с Фелисити нужно с ней поговорить. Тесс только что закончила беседовать по телефону с матерью, которая позвонила сообщить, что сломала ногу, играя в теннис. Следующие восемь недель ей предстоит провести на костылях, и она крайне сожалеет, но нельзя ли в этом году отпраздновать Пасху в Сиднее, а не в Мельбурне?

Впервые за пятнадцать лет, прошедшие с тех пор, как они с Фелисити перебрались в другой штат, Тесс пожалела, что живет так далеко от матери.

– Мы вылетим в четверг, сразу после занятий в школе, – пообещала она. – Ты справишься до тех пор?

– О, со мной все будет в порядке. Мэри мне поможет. И соседи тоже.

Но тетушка Мэри не водит машину, а от дяди Филадельфия нельзя ждать, что он возьмется подвозить ее каждый день. Кроме того, Мэри и Фил уже и сами далеко не молоды. А все соседи у матери Тесс – либо древние старушки, либо деятельные молодые семьи, которым едва хватает времени приветственно помахать рукой, пока они задним ходом выводят свои большие автомобили с подъездных дорожек. Вряд ли они станут носить кому бы то ни было еду в судках.

Тесс беспокойно размышляла, не заказать ли билет до Сиднея прямо на завтрашний день, а затем, возможно, найти для матери домработницу. Люси будет возражать против посторонних в доме, но как ей иначе принимать душ? Как готовить?

Ситуация складывалась непростая. У них накопилось много работы, а ей не хотелось оставлять Лиама. С ним что-то было неладно. Одноклассник Маркус портил ребенку жизнь. Не то чтобы он впрямую изводил Лиама. В этом случае ситуация оказалась бы ясной и недвусмысленной и они могли бы прибегнуть к строгому, расписанному по пунктам школьному своду правил: «Мы проводим политику нулевой терпимости к травле». Но Маркус был не так-то прост. Очаровательный маленький психопат.

И Тесс была уверена, что сегодня при участии Маркуса в школе случилось нечто новое и ужасное. Она кормила Лиама ужином, пока Уилл с Фелисити работали внизу. Обычно по вечерам им с Уиллом и Лиамом, а зачастую и с Фелисити тоже, удавалось собраться за едой вместе, по-семейному, но веб-сайт «Постельных принадлежностей» нужно было закончить к этой пятнице, так что они все работали допоздна.

За ужином Лиам вел себя тише обычного. Он всегда был мечтательным, задумчивым мальчиком, не склонным много болтать, но в том, как он машинально накалывал на вилку кусочки сосиски и макал их в томатный соус, сквозило что-то чересчур взрослое и печальное.

– Ты сегодня играл с Маркусом? – спросила Тесс.

– Не-а, – отозвался Лиам. – Сегодня понедельник.

– И что с того?

Но он умолк и отказался обсуждать это дальше, и сердце Тесс наполнилось яростью. Нужно еще раз поговорить с его учителем. У нее было отчетливое чувство, что ее ребенок подвергается дурному обращению и никто этого не замечает. Школьная игровая площадка превратилась в поле боя.

Так что, когда Уилл позвал ее вниз, мысли Тесс были заняты этими двумя вещами: маминой лодыжкой и Маркусом.

Уилл и Фелисити ждали ее за столом для совещаний. Прежде чем к ним присоединиться, Тесс собрала кофейные кружки, расставленные по всей конторе. За Фелисити водилась привычка готовить себе все новые порции кофе, не допив прежние. Тесс выставила кружки в ряд на столе и села.

– Фелисити, новый рекорд, – объявила она. – Пять недопитых чашек.

Та не откликнулась. Она как-то странно смотрела на Тесс, будто ей было по-настоящему стыдно из-за кружек с кофе, а затем Уилл сделал это из ряда вон выходящее заявление.

– Тесс, не знаю, как тебе об этом сказать, – выговорил он, – но мы с Фелисити влюбились друг в друга.

– Очень смешно, – улыбнулась Тесс, составляя кружки вместе. – Обхохочешься.

Но похоже, шуткой это не было.

Сейчас она положила руки на медово-золотистую сосновую столешницу и уставилась на них. На свои бледные, оплетенные голубоватыми венами угловатые кисти. Бывший ухажер – она не могла припомнить который – как-то заявил, что влюблен в ее руки. На свадьбе Уилл намучался, надевая ей на палец кольцо, застрявшее на суставе. Гости негромко посмеивались. Справившись, Уилл выдохнул с напускным облегчением, хотя сам тем временем украдкой поглаживал ее руку.

Тесс подняла глаза: Уилл с Фелисити втихомолку обменивались встревоженными взглядами.

– И это настоящая любовь, так? – спросила Тесс. – Вы созданы друг для друга?

На щеке Уилла подрагивала жилка. Фелисити вцепилась пальцами в волосы.

«Да». Вот что они оба думают. «Да, это настоящая любовь. Да, мы созданы друг для друга».

– Когда именно это началось? – продолжила она. – Когда между вами успели развиться эти «чувства»?

– Это неважно, – поспешно заявил Уилл.

– Для меня важно! – повысила голос Тесс.

– Я не уверена, но, наверное, где-то с полгода назад? – пробормотала Фелисити, глядя в стол.

– То есть когда ты начала терять вес? – уточнила Тесс.

Фелисити пожала плечами.

– Забавно, что тебе и в голову не приходило к ней приглядеться, пока она была

толстой, – заметила Тесс в сторону Уилла.

Во рту стало горько от произнесенной гадости. Когда она в последний раз позволяла себе настолько жестокие слова? Должно быть, еще подростком.

Она никогда не называла Фелисити толстой. Не говорила ни слова по поводу ее веса.

– Тесс, пожалуйста... – начал было Уилл, и в голосе его не было и тени упрека – только тихая, отчаянная мольба.

– Все в порядке, – остановила его Фелисити. – Я этого заслуживаю. Мы этого заслуживаем.

Она вздернула подбородок и взглянула на Тесс с неприкрытым отважным смирением.

Значит, они позволят Тесс пинаться и царапаться, сколько ей угодно. А сами будут просто сидеть и терпеть, пока она не закончит. Они не собираются давать ей отпор. Уилл и Фелисити, в сущности, хорошие, она это знала. Они хорошие люди и поэтому будут крайне тактичны, они поймут и примут гнев Тесс, и в итоге именно Тесс, а не они окажется плохой. Они не спали вместе, не предали ее. Они влюбились! Это вам не заурядная грязная интрижка, это судьба, предопределенность. Никто не может дурно о них подумать.

Гениально.

– Почему ты не рассказал мне сам?

Тесс попыталась встретиться глазами с Уиллом, как будто сила ее взгляда могла вернуть его, куда бы он ни ушел. Его карие глаза с густыми черными ресницами имели необычный оттенок чеканной меди, совсем не то что обыкновенные, блекло-голубые глаза Тесс. Ее сын унаследовал отцовские глаза, из-за чего Тесс казалось, будто теперь она тоже отчасти имеет на них право. Драгоценное приобретение, комплименты которому она охотно принимала. «Какие красивые глаза у вашего сына». – «Они достались ему от моего мужа, я тут совершенно ни при чем». Но она была очень даже при чем – они принадлежали и ей. Обычно золотистые глаза Уилла лучились весельем, он всегда был готов смеяться над окружающим миром и в целом находил повседневную жизнь довольно-таки забавной. Эту черту характера она любила в нем больше всего, но сейчас он смотрел на нее умоляюще, как Лиам, когда ему чего-нибудь хочется в супермаркете. «Ну пожалуйста, мам, я хочу вон ту сладкую штучку со всеми ее консервантами и хитро продуманной упаковкой, и я помню, что обещал ничего не выпрашивать, но я ее хочу-у».

«Ну пожалуйста, Тесс, я хочу твою прелестную двоюродную сестру, и я помню, что обещал быть верным тебе в горе и в радости, в болезни и здравии, но пожа-а-алуйста».

«Нет. Ты ее не получишь. Я сказала, нет».

– Мы не могли придумать, какое время или место лучше подойдет, – объяснил Уилл. – Но оба хотели тебе сказать. Мы не могли, а потом решили, что не можем так дальше жить, не признавшись тебе. Так что мы просто... – Он осекся и подвигал челюстью на индюшачий лад, взад и вперед. – Мы подумали, что для подобных разговоров все равно не бывает подходящего времени.

«Мы». Они теперь были «мы». Они это обсуждали. Без нее. Ну разумеется, они обсуждали это без нее. «Влюбились» они тоже без нее.

– Я решила, что мне тоже стоит присутствовать, – добавила Фелисити.

– Вот как? – переспросила Тесс, не находя в себе сил посмотреть на сестру. – И что же будет дальше?

Произнесенный вопрос отозвался в ней новой тошнотворной волной неверия. Конечно же, дальше ничего особенного не будет. Конечно, Фелисити умчится на одно из своих новых

спортивных занятий. А Уилл поднимется наверх поговорить с Лиамом, пока тот принимает ванну, и, возможно, докопается до сути истории с Маркусом. А Тесс тем временем поджарит на ужин курицу; все продукты уже подготовлены, и как же нелепо думать сейчас об упакованных в полиэтилен лоточках с нарезанным мясом, терпеливо ожидающих ее в холодильнике. Конечно, они с Уиллом, как и собирались, выпьют по бокалу вина из той початой бутылки и обсудят возможных мужчин для внезапно похорошевшей Фелисити. Например, ей мог бы подойти тот итальянец, управляющий их банка. Или высокий молчаливый парень, хозяин продуктового магазинчика. Ни разу еще Уилл не хлопал себя ладонью по лбу и не заявлял: «Ну конечно же! Как я сразу не сообразил? Я! Я превосходно ей подойду!»

Это шутка. Она никак не могла отвязаться от мысли, что вся эта история – просто розыгрыш.

– Мы понимаем, что эту ситуацию приятнее никак не сделать, – ответил Уилл. – Но мы готовы на все, что ты захочешь, лишь бы облегчить жизнь тебе и Лиаму.

– Лиаму, – ошеломленно повторила Тесс.

Почему-то ей и в голову не пришло, что об этом придется рассказать Лиаму, что это вообще имеет к нему какое бы то ни было отношение, как-то его затронет. А Лиам сейчас смотрит наверху телевизор, лежа на животе, и его шестилетний умишко переполняют непомерные тревоги из-за Маркуса.

«Нет, – подумала она. – Нет-нет-нет. Ни в коем случае».

Ей вспомнилось, как однажды в дверях ее спальни появилась мать и сказала:

– Мы с твоим папой хотим кое о чем с тобой поговорить.

Лиам не пострадает, как некогда пострадала она сама. Только через ее труп. Ее чудный серьезный мальчик не испытает утрат и смятения, которые обрушились на нее тем давним жутким летом. Он не будет каждую вторую пятницу собирать сумку с вещами на сутки. Он не будет сверяться с календарем на холодильнике, чтобы узнать, где ему предстоит ночевать в выходные. Он не приучится сперва думать, а потом уже говорить, если один из родителей задаст ему безобидный с виду вопрос о втором.

Ее мысли заметались.

Только Лиам сейчас имеет значение. Ее собственные чувства к делу не относятся. Как же ей это уладить? Как это остановить?

– Мы ни в коем случае не хотели, чтобы так вышло, – сообщил Уилл, глядя на нее большими бесхитростными глазами. – И мы решили все сделать правильно. Наилучшим для всех нас образом. Мы даже подумывали...

Тесс заметила, как Фелисити, глянув на Уилла, легонько покачала головой.

– Вы даже подумывали о чем? – спросила Тесс.

Вот и новые свидетельства их бесед. Она представляла себе приятную прочувствованность этих разговоров. Слезы на глазах, говорящие о том, какие они хорошие, как страдают от одной мысли, что причинят боль Тесс, но куда деваться от неодолимой страсти?

– Пока еще слишком рано обсуждать, что мы будем делать, – неожиданно решительным тоном заявила Фелисити.

Ногти Тесс впились в ладони. Да как она смеет?! Как она смеет говорить обычным голосом, как будто это обычная ситуация, ничего особенного!

– Вы даже подумывали о чем? – повторила она, не отрывая взгляда от Уилла.

«Забудь о Фелисити, – велела она себе. – У тебя нет времени на злость. Думай, Тесс, думай».

Лицо Уилла из бледного стало красным.

– Мы подумывали, не получится ли у нас жить всем вместе. Здесь. Ради Лиама. Это же не обычное расставание. Мы все тут... одна семья. Вот почему мы подумали... То есть, может, и зря, но нам показалось, что это вполне возможно. Со временем.

Тесс расхохоталась – резким, почти гортанным смехом. Они что, из ума выжили?

– Ты имеешь в виду, я просто выселюсь из моей спальни, а Фелисити туда въедет? Чтобы мы сказали Лиаму: «Не волнуйся, милый, папа теперь спит с Фелисити, а мама – в свободной комнате»?

– Конечно нет. – Фелисити выглядела обескураженной.

– Когда ты это так изображаешь... – начал было Уилл.

– А как еще ты предлагаешь?

– Послушай! – Уилл выдохнул и подался вперед. – Нам необязательно что-то решать прямо сейчас.

Иногда в конторе Уилл прибегал к нарочито мужественному, рассудительному, но властному тону, если хотел, чтобы что-то было сделано определенным образом. Тесс с Фелисити никогда ему этого не спускали. И сейчас он воспользовался этим тоном, как будто пришло время взять ситуацию в свои руки.

Да как он смеет!

Тесс подняла сжатые кулаки и ударила ими по столу с такой силой, что тот пошатнулся. Она никогда прежде так не делала. Жест показался ей смехотворным, нелепым, но отчасти волнующим. Она с удовольствием отметила, что и Уилл, и Фелисити вздрогнули.

– Я скажу вам, что будет дальше, – сообщила она, поскольку внезапно все стало абсолютно ясным.

Все просто.

Уиллу с Фелисити нужно развить роман дальше. Чем раньше, тем лучше. Эти затеплившиеся между ними отношения должны идти своим чередом. Пока что это слишком сладко и волнующе. Встречаясь тоскующими взглядами над фиолетовым драконом «Стопкашля», они чувствуют себя несчастными влюбленными, Ромео и Джульеттой. Нужно, чтобы все стало потным, и липким, и постыдным – и, в конце концов, будем надеяться, с Божьей помощью, заурядным и скучным. Уилл любит сына, и, как только туман похоти рассеется, он поймет, что совершил ужасную, но вполне поправимую ошибку.

Все еще можно наладить.

И единственным выходом для Тесс было уехать. Сейчас же.

– Мы с Лиамом уедем в Сидней и проживем там, – сообщила она. – С мамой. Она звонила пять минут назад и сказала, что сломала лодыжку. Кому-нибудь нужно побыть там, чтобы помогать ей.

– О боже! Как так вышло? Она в порядке? – ахнула Фелисити.

Тесс не обратила на нее внимания. Фелисити больше не имела права изображать заботливую племянницу. Она превратилась в «другую женщину». А Тесс осталась женой, и она намеревалась бороться с бедой. Ради Лиама. Она будет бороться и победит.

– Мы проживем у нее, пока нога не срастется.

– Но, Тесс, ты не можешь увезти Лиама в Сидней.

Властный тон Уилла куда-то делся. Он вырос в Мельбурне. И никогда прежде даже

вопрос не вставал, не переехать ли им куда-нибудь.

Он воззрился на Тесс с обиженным видом, словно Лиам, которого за что-то несправедливо отчитали. Затем его лицо прояснилось.

– А как насчет школы? – спросил он. – Он не может пропускать занятия.

– Он может одну четверть проучиться в школе Святой Анджелы. Побывать подальше от Маркуса, что уже хорошо. Ему будет полезно полностью сменить обстановку. Он сможет ходить до школы пешком, как я когда-то.

– Ты не сможешь его туда зачислить, – отчаянно возразил Уилл. – Он же не католик!

– Кто сказал, что он не католик? – удивилась Тесс. – Он окрещен в католической церкви.

Фелисити открыла было рот, но тут же закрыла его снова.

– Я все устрою, – заверила их Тесс, хотя понятия не имела, насколько трудно это сделать. – Мама знает людей из церкви.

Пока Тесс говорила, на нее нахлынули воспоминания о школе Святой Анджелы, крошечном местном католическом заведении, в котором учились они с Фелисити. Игра в классики в тени церковного шпиля. Звон колоколов. Сладковато-гнилостный запах бананов, забытых на дне портфеля. Школа стояла в пяти минутах ходьбы от маминого дома, в конце тупика, окаймленного деревьями, и летом лиственный полог над ним напоминал своды собора. Уже осень, но в Сиднее еще достаточно тепло для купания. Листья амбровых деревьев сейчас зеленые с золотом. Лиам будет ходить по россыпям бледных розовых лепестков на неровных дорожках.

Кое-кто из старых учителей Тесс еще работал в школе Святой Анджелы. Ребята, с которыми они с Фелисити вместе учились, выросли и превратились в родителей, отправляющих туда собственных детей. Мама порой упоминала их имена, но Тесс не могла до конца поверить, что они и впрямь по-прежнему существуют в этом мире. Скажем, красавцы-братья Фицпатрики, шесть белокурых мальчиков с решительными подбородками, такие похожие, будто их приобрели оптовой партией. Они были так хороши собой, что Тесс заливалась румянцем всякий раз, когда кто-нибудь из них проходил мимо. Кто-то из Фицпатриков всегда попадал в министренты^[6]. В четвертом классе все они переводились в престижную мужскую католическую школу близ порта. С достатком у них дела обстояли не хуже, чем с внешностью. Как она слышала, старший Фицпатрик уже успел обзавестись тремя дочками, и все они учились в школе Святой Анджелы.

Сможет ли она на самом деле так поступить – увезти Лиам в Сидней и устроить в свою начальную школу? Это казалось невозможным, как если бы она пыталась отправить сына назад, во времена собственного детства. На миг у нее опять закружилась голова. Ничего этого не будет. Разумеется, она не может забрать Лиам из школы. Ему к пятнице задана работа по морским животным. В субботу будут спортивные соревнования. Ей нужно развесить выстиранное белье, а завтра с утра встретиться с возможным новым заказчиком.

Но Уилл с Фелисити снова обменялись взглядами, и сердце ее сжалось. Она посмотрела на часы: восемнадцать тридцать. Сверху донеслась музыкальная тема этой невыносимой передачи, «Потерявший больше всех». Должно быть, Лиам переключил телевизор с воспроизведения на обычный канал. Вскоре он начнет прыгать по программам в поисках чего-нибудь со стрельбой.

– И за ничего вы не получаете ничего! – выкрикнул кто-то в телевизоре.

Тесс терпеть не могла бессмысленные мотивационные реплики, которые использовались в этой передаче.

– Мы вылетаем сегодня же, – решила она.

– Сегодня? – переспросил Уилл. – Ты не можешь увезти Лиама сегодня.

– Могу. Вылет в девять вечера, мы прекрасно успеем.

– Тесс, – вмешалась Фелисити. – Это уже чересчур. Тебе и вправду необязательно...

– Мы не будем путаться у вас под ногами, – ответила Тесс. – И вы с Уиллом сможете

наконец-то переспать. Прямо на моей кровати, я как раз с утра поменяла белье.

А в голову ей пришло еще кое-что – она ведь могла бы сказать вещи и похуже.

Фелисити: «Ему нравится, когда женщина сверху, и вам повезло, что ты так сильно похудела!»

Уиллу: «Только не рассматривай вблизи ее растяжки».

Но нет, это они должны чувствовать себя грязными, словно придорожный мотель. Она встала и разгладила спереди юбку.

– Вот и все. Вам придется самим управляться с агентством. Скажете заказчикам, что у меня чрезвычайные семейные обстоятельства.

Вот уже что правда, то правда.

Тесс собрала недопитые кофейные кружки Фелисити, подцепив пальцами столько ручек, сколько удалось. Затем передумала, составила их обратно и, на глазах у Уилла с Фелисити, тщательно выбрала две самые полные. Подняла их, уместив доньшками на ладонях, и с прицельной меткостью игрока в нетбол выплеснула остывший кофе прямо в их глупые, искренние, виноватые лица.

Рейчел ожидала сообщения, что они ждут второго ребенка. Вот что особенно усугубило ситуацию. Стоило этой паре войти в дом, как она поняла, что на подходе большие новости. У них был уверенный, самодовольный вид людей, которые собираются попросить вас сесть и выслушать их.

Роб говорил больше обычного, а Лорен – меньше. Только Джейкоб вел себя как всегда: носился туда-сюда по дому, распахивал дверцы шкафов и выдвигал ящики. Он знал, что Рейчел прячет там игрушки и прочие вещицы, которые, по ее мнению, могли бы его заинтересовать.

Конечно, Рейчел так и не спросила Лорен или Роба, не хотят ли они о чем-то ей рассказать. Она не из таких бабушек. Когда Лорен бывала у нее в гостях, она тщательно следила за тем, чтобы вести себя как безупречная свекровь: заботливая, но не назойливая, заинтересованная, но не лезущая в чужие дела. Она никогда не отпускала замечаний и не давала советов насчет Джейкоба, даже Робу, если тот заходил один, поскольку представляла, как неприятно будет Лорен услышать: «А вот мама говорит...» Это давалось ей непросто. Неиссякающий поток советов безмолвно струился в ее сознании, словно обрывки новостей в бегущей строке, мелькающие внизу телеэкрана на канале Си-эн-эн.

Для начала ребенка стоило бы подстричь! Эти двое что, ослепли, если не замечают, как Джейкоб сдувает с глаз челку? А еще ткань этой ужасной рубашки с паровозиком Томасом явно раздражает его кожу. Если его приводили в этой рубашке в те дни, когда он оставался у нее ночевать, Рейчел непременно сразу же меняла ее на старую мягкую футболочку. А потом торопливо переодевала внука обратно, когда его родители показывались на подъездной дорожке.

И что хорошего ей принесла эта деликатность? С тем же успехом она могла бы быть адской свекровью. Ведь они все равно собрались уезжать и заберут с собой Джейкоба, как будто имеют на это право! Впрочем, с формальной точки зрения так оно и есть.

Не было никакого нового ребенка. Лорен предложили работу. Замечательную работу в Нью-Йорке. Двухлетний контракт. Они рассказали ей за обедом, когда перешли к десерту – яблочному пирогу от «Сары Ли» и мороженому. Если судить по их восторгу, можно было подумать, что Лорен нашла вакансию в раю.

Пока они делились новостями, Джейкоб сидел у бабушки на коленях и его плотное, коренастое тельце растекалось по ней с божественной расслабленностью усталого малыша. Рейчел вдыхала запах его волос, припав губами к ямочке на шее.

Когда она впервые взяла Джейкоба на руки и поцеловала нежную тонкую кожу его головки, ей показалось, что она возрождается к жизни, словно увядающее растение, которое наконец полили. Его свежий младенческий запах наполнил ее легкие кислородом. Она явственно ощутила, как выпрямляется спина, будто ее избавили от тяжелого груза, который принуждали таскать годами. И когда она вышла на парковку перед больницей, то увидела, как мир вновь расцветает красками.

– Мы надеемся, вы приедете нас навестить, – заявила Лорен.

Лорен была «деловой женщиной». Она работала на «Банк Содружества» и занималась чем-то крайне важным, напряженным и значительным. Платили ей больше, чем Робу. Это не составляло тайны, более того, Роб, похоже, этим гордился, упоминая кстати и некстати. Если

бы Эд услышал, как его сын хвастается зарплатой жены, он бы лег и умер на месте, так что ему еще повезло, что он... Ну, лег и умер до этого.

Рейчел до замужества тоже работала на тот же банк, хотя это совпадение ни разу не всплывало в их разговорах о работе Лорен. Рейчел не знала, забыл ли ее сын эту веху в материнской биографии, или просто не имел об этом представления, или не принимал во внимание. Конечно, недолгая работа Рейчел в «Банке Содружества», от которой она отказалась после свадьбы, не шла ни в какое сравнение с «карьерой» Лорен. Рейчел даже не понимала, чем Лорен, собственно, занимается изо дня в день. Знала только, что это имеет какое-то отношение к «управлению проектами».

А ведь можно ожидать, что человек, настолько успешный в управлении проектами, будет способен справиться и с таким проектом, как сбор вещей для Джейкоба, когда тот ночует у бабушки. Но очевидно, это было не так. Как-то получалось, что Лорен обязательно забывала что-нибудь важное.

Но больше Джейкоб не будет здесь ночевать. Никаких купаний, сказок, танцев под «Вигглс»^[7] в гостиной. Все равно как если бы он умер. Рейчел пришлось напомнить себе, что внук по-прежнему жив и сейчас сидит у нее на коленях.

– Да, мам, обязательно приезжай к нам в Нью-Йорк! – подхватил Роб.

Он говорил так, будто уже обзавелся американским акцентом. Когда он улыбнулся матери, его зубы блеснули на свету. Эти зубы обошлись Эду с Рейчел в небольшое состояние. Крепкие и прямые, словно клавиши пианино, зубы Роба будут чувствовать себя в Америке как дома.

– Мам, сделай уже наконец себе паспорт! Ты сможешь даже посмотреть Америку, если захочешь. Отправишься на автобусную экскурсию. Или, я придумал, в круиз на Аляску!

Она порой гадала: если бы их жизнь не оказалась столь четко разделена, словно гигантской стеной, на «до 6 апреля 1984 года» и «после 6 апреля 1984 года», не вырос бы Роб другим человеком? Не таким неизменно жизнерадостным, не настолько похожим на агента по торговле недвижимостью. Впрочем, он и есть агент по торговле недвижимостью. Так стоит ли удивляться, что он ведет себя как таковой?

– Я бы хотела поехать в круиз на Аляску, – заметила Лорен, накрыв ладонью руку Роба. – Всегда представляла, как мы туда поедem, когда состаримся и поседем.

И смущенно закашлялась: должно быть, вспомнила, что Рейчел уже состарилась и поседела.

– Конечно, это должно быть интересно, – признала Рейчел и отпила глоток чая. – Разве что слегка холодновато.

Они что, с ума посходили? Рейчел не хотела ни в какой круиз на Аляску. Она хотела сидеть на залитом солнцем крыльце, выдувать для Джейкоба мыльные пузыри и любоваться тем, как он смеется. Она хотела наблюдать, как он растет, неделя за неделей.

И она хотела, чтобы они завели еще одного ребенка. Поскорее. Лорен уже тридцать девять! Только на прошлой неделе Рейчел говорила Марле, что Лорен еще успеет родить второго. Нынешние так поздно заводят детей, сказала она. Но тогда она еще втайне ожидала этой новости. Сказать по правде, даже строила планы на этого второго ребенка, совсем как обычная назойливая свекровь. Она решила, что после его рождения уйдет на пенсию. Ей нравилась работа в школе Святой Анджелы, но через два года ей исполнится семьдесят – целых семьдесят! – и она уже начала уставать. Присмотра за двумя детьми два дня в неделю ей будет вполне достаточно. Она предполагала, что в будущем ее ждет именно это. Едва ли

не ощущала вес нового младенца у себя на руках.

Почему же проклятая девчонка не родит второго? Разве они не хотят, чтобы у Джейкоба появился младший братик или сестричка? Что такого особенного в этом Нью-Йорке, с его гудящими машинами и паром, валящим из дыр в асфальте? Ради всего святого, Лорен вернулась на работу спустя три месяца после рождения Джейкоба. Непохоже, чтобы ребенок доставил ей так уж много неудобств.

Если бы кто-нибудь этим утром спросил Рейчел о ее жизни, она бы назвала ее полной и приносящей удовлетворение. Она сидела с Джейкобом по понедельникам и пятницам, а остальное время он проводил под присмотром няни, пока Лорен торчала за столом где-то там, в городе, и управляла своими проектами. Пока Джейкоб был у няни, Рейчел исполняла секретарские обязанности в школе Святой Анджелы. У нее была работа, требующий ухода сад, подруга Марла, стопка библиотечных книг и целых два бесценных дня в неделю с внуком. Джейкоб часто ночевал у нее и на выходных тоже, чтобы Роб с Лорен могли куда-нибудь сходить. Им нравилось посещать вдвоем модные рестораны, театр и даже оперу, подумать только. Как бы хохотал Эд, узнай он об этом.

Была ли Рейчел счастлива? Если бы кто-нибудь спросил, она бы ответила: «Настолько, насколько это вообще возможно».

Она даже не представляла, что ее счастье ненадежно, словно карточный домик, и что Роб с Лорен могут прийти к ней в понедельник вечером и с радостным лицом выхватить единственную карту, которая имеет для нее значение. Уберите карту Джейкоба, и ее жизнь рухнет, тихо разлетевшись по земле.

Рейчел прижалась губами к голове малыша, и ее глаза наполнились слезами.

«Нечестно! Это просто нечестно».

– Два года пролетят так быстро, – пообещала Лорен, не отрывая взгляда от Рейчел.

– Вот так! – подхватил Роб и щелкнул пальцами.

«Для вас», – подумала Рейчел.

– Или, возможно, мы вернемся даже раньше, – продолжила Лорен.

– С другой стороны, возможно, вы останетесь там навсегда! – откликнулась Рейчел, лучезарно улыбнувшись, чтобы показать, что она умудрена опытом и понимает, как оно случается в жизни.

Ей вспомнились сестры-близнецы Рассел, Люси и Мэри; дочери обеих сестер переехали в Мельбурн. «В итоге там они и останутся жить», – грустно сообщила ей Люси как-то в воскресенье после церкви. Это случилось много лет назад, но запало Рейчел в память, потому что Люси оказалась права. Последнее, что Рейчел слышала о двоюродных сестрах, застенчивой дочурке Люси и пухлой девочке Мэри с красивыми глазами: они по-прежнему в Мельбурне и не собираются возвращаться.

Но до Мельбурна, в общем-то, рукой подать. Если захочется, туда можно и на день слетать. Люси и Мэри постоянно так делали. А в Нью-Йорк на день не слетаешь.

А еще были люди вроде Вирджинии Фицпатрик, как бы делившей должность школьного секретаря с Рейчел. У Вирджинии было шесть сыновей и четырнадцать внуков, и большинство их жили на сиднейском северном побережье в двадцати минутах езды. Если бы кто-то из детей Вирджинии перебрался в Нью-Йорк, она, вероятно, и не заметила бы, что внуков поблизости стало на парочку меньше.

Почему Рейчел не завела больше детей? Как хорошей жене-католичке, ей следовало бы родить по меньшей мере шестерых, но она этого не сделала: из-за пустого тщеславия, из-за

того, что втайне считала себя особенной, отличающейся от всех остальных женщин. Бог знает, в чем именно она считала себя особенной. Не то чтобы у нее были какие-то личные устремления, касающиеся карьеры, или путешествий, или чего бы то ни было – не так, как у нынешних девиц.

– Когда вы отбываете? – спросила Рейчел у Лорен и Роба.

Джейкоб тем временем неожиданно сполз с ее коленей и помчался в гостиную по какому-то неотложному делу. Мгновением позже она услышала звук включившегося телевизора. Смышленный малыш разобрался, как пользоваться пультом дистанционного управления.

– Не раньше августа, – ответила Лорен. – Нам еще многое нужно уладить. Визы и тому подобное. Надо подыскать квартиру и няню для Джейкоба.

Няню для Джейкоба...

– Работу для меня, – с легкой тревогой подхватил Роб.

– О да, милый, – кивнула Рейчел.

Она пыталась воспринимать собственного сына всерьез. Правда пыталась.

– Работу для тебя. В торговле недвижимостью, как ты полагаешь?

– Еще не уверен, – признался Роб. – Посмотрим. Я вполне могу в итоге оказаться домохозяином.

– Как жаль, что я не научила его готовить, – заметила Рейчел, обращаясь к Лорен, хотя не чувствовала себя особенно виноватой.

Сама она никогда не интересовалась готовкой и не слишком в ней преуспела: для нее это была всего лишь еще одна рутинная работа, которую следует выполнять, вроде стирки. Это теперь люди говорят о готовке без умолку.

– Ничего страшного, – просияла Лорен. – Вероятно, в Нью-Йорке мы часто будем есть не дома. Сами понимаете, этот город никогда не спит!

– Хотя Джейкобу, конечно, надо будет спать, – заметила Рейчел. – Или его будет кормить няня, пока вы где-нибудь ужинаете?

Улыбка Лорен дрогнула, и она глянула на Роба, но тот, разумеется, ничего не заметил.

Звук телевизора внезапно усилился, так что дом загремел, словно кинотеатр.

– И за ничего вы не получаете ничего! – выкрикнул мужской голос.

Рейчел его узнала – это был тренер в «Потеряншем больше всех». Ей нравилась эта передача. Успокаивало погружение в ярко раскрашенный пластиковый мир, где важным считалось только то, сколько вы едите и занимаетесь спортом, где боль и страдания причиняли беды не страшнее отжиманий, где люди увлеченно говорили о калориях и счастливо рыдали над потерянными килограммами. А потом все они жили стройно и счастливо.

– Джейк, ты что, опять играешь с пультом? – окликнул сына Роб, перекрикивая телевизионный шум.

Он поднялся из-за стола и вышел в гостиную.

Первым вставал и шел к Джейкобу всегда Роб, а не Лорен. С самого начала он менял подгузники. Эд в жизни не сменил ни одной пеленки. Конечно, в нынешние дни все папы меняют подгузники, и непохоже, чтобы им это вредило. Одна только Рейчел чувствует себя из-за этого неловко, едва ли не смущается, как будто они занимаются чем-то неподобающим, слишком женским. Как бы развопились нынешние девицы, признайся она в этом!

– Рейчел, – начала Лорен.

Рейчел обратила внимание, что невестка смотрит на нее взволнованно, как будто собирается попросить об огромном одолжении.

«Да, Лорен. Я позабочусь о Джейкобе, пока вы с Робом живете в Нью-Йорке. Два года? Ничего страшного. Езжайте себе. Приятно вам провести время».

– Эта пятница, – продолжила Лорен. – Страстная пятница. Я знаю, что это, э... годовщина...

Рейчел застыла.

– Да, – подтвердила она самым ледяным своим тоном. – Именно так.

Она не испытывала ни малейшего желания обсуждать эту пятницу ни с кем, не говоря уж о Лорен. Ее тело еще несколько недель назад ощутило, что приближается эта дата. Так бывало каждый год в последние дни лета, когда она чувала в воздухе первый намек на прохладу. Ее мышцы напрягались, ужас покалывал кожу, а затем она вспоминала: «Конечно. Вот и пришла очередная осень». Какая жалость. Раньше она любила это время года.

– Я понимаю, что вы пойдете в парк, – не унималась Лорен, как будто они обсуждали место проведения вечеринки с коктейлем. – Я просто подумала...

– Зачем нам говорить об этом? – Рейчел не могла этого вынести. – По крайней мере не сейчас. Давайте в другой раз.

– Конечно!

Лорен вспыхнула, и Рейчел кольнуло чувство вины. Она редко разыгрывала эту карту. Так она казалась себе ничтожной.

– Я заварю чай, – объявила она и принялась собирать тарелки.

– Позвольте, я помогу, – привстала Лорен.

– Не стоит, – отказалась Рейчел.

– Как скажете.

Лорен заправила за ухо прядь белокурых с рыжинкой волос. Она была хорошенькой. Впервые приведя ее домой знакомиться с матерью, Роб едва не лопался от гордости. Примерно с таким выражением на розовом пухлом личике он приносил из приготовительного класса новый рисунок.

Из-за несчастья, постигшего их семью в 1984 году, Рейчел, по идее, должна была еще сильнее полюбить сына, но этого не произошло. Она как будто утратила способность любить, и так продолжалось, пока не родился Джейкоб. К тому времени у них с Робом установились безупречно приятные отношения, напоминающие отвратительный шоколад из кэроба^[8] – стоит его лишь попробовать, и сразу понимаешь, что это просто неудачная, жалкая подделка. Так что Роб имел полное право отобрать у нее Джейкоба – она заслужила это тем, что недостаточно любила сына. Такова ее епитимья. Двести раз «Аве, Мария», и твой внук уезжает в Нью-Йорк. У всего есть своя цена, и Рейчел всегда приходилось расплачиваться полностью. Никаких скидок. Так же, как она заплатила за свою ошибку в 1984-м.

Роб уже успел рассмешить Джейкоба. Должно быть, боролся с сыном и за ноги подвешивал вниз головой в воздухе – так же, как некогда с ним самим возился Эд.

– А вот идет... щекотное чудовище! – крикнул Роб.

Волна за волной хихиканье Джейкоба врывалось в комнату, словно стайки мыльных пузырей, и Рейчел с Лорен рассмеялись тоже. Удержаться было невозможно, как будто щекотали их самих. Их взгляды встретились над столом, и в это же мгновение хохот Рейчел перерос в рыдание.

– О, Рейчел.

Лорен привстала со стула и протянула к ней безупречно ухоженную руку: раз в три недели по субботам ей делали маникюр, педикюр и массаж. Она называла это «временем Лорен». Каждый раз на «время Лорен» Роб приводил Джейкоба к Рейчел, и они шли гулять в парк на углу и ели бутерброды с яйцом.

– Мне так жаль, я знаю, как сильно вы будете скучать по Джейкобу, но...

Рейчел глубоко, судорожно вдохнула и, собравшись с силами, взяла себя в руки, как будто взбиралась на край скального утеса.

– Не говори глупостей, – потребовала она так резко, что Лорен вздрогнула и упала обратно на стул. – Со мной все будет в порядке. Это великолепная возможность для всех вас.

Она принялась составлять в стопку десертные тарелочки, небрежно соскребая объедки пирога в неопрятную и непривлекательную кучку.

– Кстати, – заметила она перед тем, как выйти из комнаты, – этого ребенка стоило бы подстричь.

Джон Пол? – Сесилия сильно, до боли, прижала трубку к уху. – Ты меня слышишь?

– Ты его вскрыла? – наконец заговорил он.

Голос у него был слабый и дребезжащий, словно у ворчливого деда из дома престарелых.

– Нет, – ответила Сесилия. – Ты же еще не умер, так что я решила, лучше не стоит.

Она пыталась говорить небрежно, но слова прозвучали визгливо, как будто она к нему придиралась.

Снова повисло молчание.

– Сэр! Сюда, сэр! – послышался в трубке чей-то крик с американским акцентом.

– Алло? – окликнула Сесилия.

– Пожалуйста, не надо его вскрывать. Я написал это давным-давно, должно быть, когда Изабель еще только родилась. Наверное, не стоило этого делать. Мне было бы неловко. Вообще-то, я думал, что конверт давно потерялся. Где ты его нашла?

Голос мужа звучал сдержанно, как будто он говорил в присутствии чужих людей.

– Ты там не один? – спросила Сесилия.

– Нет. Я просто завтракаю в ресторане при отеле.

– Я нашла его, когда поднялась на чердак, чтобы поискать кусочек Берлинской... Ну, неважно, я просто опрокинула твою обувную коробку, и оно оттуда выпало.

– Должно быть, я тогда же заполнял налоговую декларацию, – предположил Джон Пол. – Вот болван. Я помню, как искал его везде. Чуть с ума не сошел. Поверить не мог, что способен потерять... – Он постепенно смолк. – Вот.

В его голосе звучало удивительное, кажущееся неоправданным и чрезмерным сожаление.

– Что ж, неважно, – заключила она, на этот раз по-матерински покровительственно, словно обращалась к кому-то из дочерей. – Но с чего ты вообще взялся писать что-то подобное?

– Это был мимолетный порыв. Наверное, я тогда совсем расчувствовался. Наш первый ребенок. Я вдруг задумался об отце и обо всем, что он уже никогда не сможет сказать, потому как умер. Обо всем, что осталось произнесенным. Все эти банальности. Там просто всякие слащавые глупости о том, как сильно я вас люблю. Ничего сногсшибательного. Честно говоря, я даже толком не помню.

– Так почему бы мне его не вскрыть? – произнесла Сесилия с просительной интонацией, от которой ее саму слегка замутило. – Что тут такого?

Снова тишина.

– Ничего такого, но, Сесилия, пожалуйста, я прошу тебя его не трогать!

Теперь он говорил едва ли не с отчаянием. Что за паника, бога ради! Мужчины так нелепо себя ведут, когда речь заходит о чувствах.

– Ладно. Я не стану его вскрывать. Будем надеяться, в ближайшие пятьдесят лет мне не светит ознакомиться с твоим посланием.

– Это если я тебя не переживу.

– И не надейся. Ты ешь слишком много красного мяса. Готова поспорить, ты и сейчас завтракаешь беконом.

– А я готов поспорить, что ты сегодня кормила бедных девочек рыбой.

Он шутил, но голос его все равно звучал напряженно.

– Это папочка? – спросила влетевшая в комнату Полли. – Мне срочно надо с ним поговорить!

– Тут Полли, – сообщила Сесилия, когда дочь попыталась вырвать у нее из рук телефон. – Полли, прекрати. Одну секунду. Поговорим завтра. Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – еще успела расслышать она, пока Полли выхватывала трубку. Затем дочь выбежала из комнаты, прижимая телефон к уху.

– Папочка, послушай, мне нужно кое-что сказать тебе, но это большой-пребольшой секрет.

Полли обожала секреты. Она без умолку о них болтала и делилась ими с тех пор, как в возрасте двух лет познакомилась с этим понятием.

– И сестрам тоже дай поговорить с отцом! – крикнула ей вслед Сесилия.

Она взяла чашку с чаем и положила письмо рядом с собой, выровняв его по краю стола. Вот, значит, что это такое. Не о чем беспокоиться. Она уберет его куда-нибудь и забудет о нем.

Ему было бы неловко. Вот и все. Как мило.

Конечно, теперь, когда она пообещала не вскрывать письмо, этого делать нельзя. Лучше было бы и вовсе о нем не упоминать. Сейчас она допьет чай и займется коржом.

Она подтянула поближе книжку Эстер о Берлинской стене, перелистнула страницы и остановилась на фотографии юноши с ангельским серьезным лицом, слегка напомнимшим ей Джона Пола, каким тот выглядел в молодости, когда она только влюбилась в него. Джон Пол всегда тщательнейшим образом заботился о прическе, тратил немало геля, чтобы уложить волосы, и сохранял очаровательную серьезность даже навеселе. В те годы они частенько бывали нетрезвы. Рядом с ним Сесилия ощущала себя смешливой девчонкой. Они пробыли вместе немало времени, прежде чем ей открылась более легкомысленная сторона его характера.

Юношу, как она прочла, звали Петером Фехгером – восемнадцатилетний каменщик, он одним из первых погиб, пытаясь сбежать за Берлинскую стену. Раненный выстрелом в бедро, он упал на «полосу смерти» с восточной стороны, где истекал кровью, пока не умер. Сотни свидетелей с обеих сторон смотрели на это, но никто не предложил ему медицинской помощи, только некоторые бросали издали бинты.

– Ради всего святого! – в сердцах воскликнула Сесилия и оттолкнула книгу.

Стоит ли Эстер такое читать, надо ли узнавать, что подобное вообще возможно?

Сесилия помогла бы этому юноше. Она бы сразу направилась напрямик к нему. Вызвала бы «скорую». Закричала бы: «Люди, да что с вами не так?»

Хотя кто знает, как бы она повела себя на самом деле? Вероятно, ничего бы она не сделала, если бы знала, что ее тоже могут застрелить. Она же мать. Ей нужно оставаться в живых. «Полосы смерти» не были частью ее жизни. Полосы – это на одежде. Или в аэропортах. Ей никогда не приходилось подвергаться испытаниям. Вероятно, этого с ней никогда и не будет.

– Полли! Ты с ним уже час болтаешь! Папе, должно быть, скучно! – крикнула Изабель.

Почему им обязательно нужно все время кричать? Девочки отчаянно скучали по отцу, когда тот уезжал. Он относился к ним с бóльшим терпением, чем Сесилия, и с самых их юных лет был готов участвовать в их жизни так, как ей, сказать по правде, совершенно не хотелось. Он разыгрывал с Полли бесконечные чаепития и держал крошечную чашечку,

оттопырив мизинец. Внимательно слушал, как Изабель снова и снова рассказывает про последний драматический поворот в ее отношениях с подругами. Все они испытывали облегчение, когда Джон Пол приходил домой. «Погуляй с малышками!» – просила его Сесилия, и он увозил их в очередное приключение и возвращал через пару часов, липких и в песке.

– Папочка не считает, что я скучная! – завизжала Полли.

– Сейчас же отдай телефон сестре! – рявкнула Сесилия.

В коридоре завязалась потасовка, и Полли вернулась в кухню. Она уселась за стол рядом с матерью и подперла подбородок ладошками.

Сесилия вложила письмо Джона Пола между страниц книги Эстер и посмотрела на хорошенькое личико сердечком своей шестилетней дочери. Полли была генетической аномалией. Джон Пол выглядел хорошо – в юности его звали красавчиком, да и Сесилия была довольно привлекательной при неярком освещении, но каким-то образом им удалось произвести на свет дочь, играющую в совершенно иной лиге. Полли выглядела точь-в-точь как Белоснежка: черные волосы, ярко-синие глаза и алые губки – по-настоящему алые, люди даже думали, что она пользуется помадой. Две ее старшие сестры, с их пепельными волосами и веснушчатыми носиками, казались красивыми собственным родителям, но только на Полли постоянно оглядывались в торговых центрах. «От такой красоты добра не будет», – заметила на днях свекровь, и Сесилия возмутилась, но в то же время поняла ее. Что делает с твоей личностью обладание тем единственным, чего жаждет всякая женщина? Сесилия замечала, что красавицы даже держатся иначе: они, словно пальмы, покачиваются на ветру обращенного на них внимания. Сесилия предпочла бы, чтобы ее дочери бегали, шагали и топали. И ей вовсе не хотелось, чтобы Полли, черт возьми, покачивалась.

– Хочешь знать, какой секрет я рассказала папочке? – спросила Полли, взглянув на нее сквозь ресницы.

У Полли отлично выйдет покачиваться. Сесилия уже теперь это видела.

– Ничего страшного, – заверила она. – Тебе необязательно мне говорить.

– Секрет в том, что я решила пригласить мистера Уитби на мою пиратскую вечеринку, – объявила Полли.

Через неделю после Пасхи Полли исполнилось семь лет. И вот уже месяц все обсуждали ее предстоящую пиратскую вечеринку.

– Полли, – одернула ее Сесилия, – мы уже об этом говорили.

Мистер Уитби работал учителем физкультуры в школе Святой Анджелы, и Полли была в него влюблена. Сесилия не знала, говорит ли что-нибудь о будущих отношениях Полли то, что первым ее увлечением стал ровесник ее отца. Таким девочкам положено влюбляться в поп-звезд подросткового возраста, а не в бритых наголо взрослых мужчин. Правда, в мистере Уитби было что-то особенное. Широкоплечий и спортивно сложенный, он ездил на мотоцикле и умел слушать, не отрывая взгляда от собеседника, но ощущать его сексуальную притягательность должны были не шестилетние ученицы, а их матери. Что с ними определено и происходило; сама Сесилия не была исключением.

– Мы не будем приглашать мистера Уитби на твою вечеринку, – заявила Сесилия. – Так будет нечестно. Иначе ему пришлось бы ходить на вечеринки ко всем.

– Он захочет прийти на мою.

– Нет.

– Поговорим об этом в другой раз, – беспечно бросила Полли, отодвигая стул от стола.

– Ни в коем случае! – крикнула ей вслед Сесилия, но Полли уже удалилась небрежной походкой.

Сесилия вздохнула. Что ж. Куча дел. Она встала и вытащила письмо Джона Пола из книги Эстер. Прежде всего она уберет эту проклятую бумажку.

Он сказал, что написал письмо сразу после рождения Изабелы и толком не помнит, о чем там идет речь. Это и понятно. Изабель уже исполнилось двенадцать, а Джон Пол частенько бывал рассеян. Он всегда полагался на то, что Сесилия запомнит все нужное за него.

Вот только она была уверена, что на сей раз он солгал.

Может, нам взломать дверь? – Голосок Лиамы прорезал тихий вечерний воздух, словно взвизг свистка. – Мы могли бы разбить окно камнем. Например, вон тем! Смотри, мам, глянь, смотри-смотри, ты видишь...

– Тсс, – урезонила его Тесс. – Говори потише!

Она снова и снова стучала дверным кольцом.

Бесполезно.

Было уже одиннадцать вечера, и они с Лиамом стояли у дверей ее матери. В доме не светило ни одного окна, шторы были задернуты. Он выглядел заброшенным. Собственно говоря, вся улица казалась зловеще тихой. Неужели никто не смотрит последние новости? Единственный свет падал от фонаря на углу. В небе не виднелось ни звезд, ни луны. Тишину нарушал заунывный стрекот одинокой цикады, последнего пережитка лета, и тихий шелест дорожного движения вдаль. Доносился сладкий аромат маминых гардений. У мобильного телефона Тесс сел аккумулятор. Она не могла никому позвонить, даже вызвать такси, чтобы добраться до гостиницы. Может, им и придется вломиться в дом, но маму Тесс в последние годы так волновала безопасность. Не поставила ли она сигнализацию? Тесс представила себе, как на окрестности обрушивается внезапный вой сирены.

Ей не верилось, что это происходит с ней.

Она ничего толком не продумала. Следовало бы позвонить и предупредить мать об их приезде. Но она была вся на нервах, пока заказывала билеты, собирала вещи, добиралась до аэропорта, искала нужный выход на посадку, а Лиам шагал рядом с ней, не умолкая ни на миг. Он был так перевозбужден, что болтал на протяжении всего полета. А теперь так выдохся, что едва не бредил.

Ему казалось, что они отправились в спасательную экспедицию, чтобы помочь бабушке.

– Бабушка сломала лодыжку, – объяснила ему Тесс. – Так что мы некоторое время проживем у нее и будем ей помогать.

– А что насчет школы?

– Ничего страшного, если ты пропустишь пару дней, – сообщила она, и его глаза загорелись, словно огоньки на рождественской елке.

Понятное дело, она ни словом не упомянула о переводе в другую школу.

Фелисити ушла. Тесс и Лиам собирали вещи, а Уилл бродил по дому, бледный и шмыгающий носом.

Оставшись с Тесс наедине, Уилл попытался с ней заговорить, но Тесс, швырявшая одежду в сумку, развернулась к нему, словно кобра, готовая к броску.

– Оставь меня в покое, – яростно прошипела она сквозь стиснутые зубы.

– Прости, – пробормотал он, отступив на шаг. – Мне так жаль.

Они с Фелисити произнесли слово «жаль», должно быть, уже не меньше пятисот раз.

– Честное слово, – добавил Уилл, понизив голос, видимо, чтобы Лиам не подслушал, – если у тебя есть хоть малейшие сомнения, я хочу, чтобы ты знала: мы ни разу не переспали.

– Уилл, ты все время об этом твердишь, – заметила она. – Не знаю, почему тебе кажется, будто это как-то помогает делу. Наоборот. Мне и в голову не приходило, что вы можете переспать! Что я должна сказать – большое вам спасибо за сдержанность? То есть, бога ради... – Ее голос сорвался.

– Прости, – повторил он снова и утер нос тыльной стороной ладони.

При Лиаме Уилл вел себя как обычно. Помог сыну найти под кроватью любимую бейсболку, а когда прибыло такси, опустился на колени и обнял его в той грубовато-ласковой манере, с которой отцы возятся с сыновьями. Тесс поняла, как именно Уиллу так долго удавалось сохранять роман с Фелисити в секрете. Семейная жизнь, даже с единственным маленьким ребенком, имеет собственные привычные ритмы, и не так уж сложно продолжать танцевать, как и прежде, даже если твоя голова занята чем-то другим.

И вот она здесь, словно выброшенная на мель, в этом сонном маленьком пригороде Сиднея на северном побережье, в обществе бредящего шестилетки.

– Что ж, – осторожно начала она, обращаясь к Лиаму. – Думаю, нам стоит...

Что? Разбудить соседей? Рискнуть поднять тревогу?

– Подожди! – потребовал Лиам и прижал палец к губам; его большие глаза казались во мраке озерами блестящей черноты. – Кажется, я что-то слышу там, внутри.

Он прижал ухо к двери. Тесс последовала его примеру.

– Слышишь?

Она и впрямь что-то слышала. Незнакомый ритмичный глухой стук откуда-то сверху.

– Должно быть, это бабушкины костыли, – предположила Тесс.

Бедная ее мама. Возможно, она уже легла спать, а ее спальня прямо в противоположном конце дома. Чертов Уилл. Чертова Фелисити. Вытащить ее бедную хромую маму из постели.

Когда именно начался роман между теми двумя? Было ли какое-то конкретное мгновение, в которое все изменилось? Как она могла это прозевать? Она видела их вместе ежедневно и так ничего и не заметила. Вечером в прошлую пятницу Фелисити осталась на ужин. Возможно, Уилл был чуть молчаливее обычного. Тесс решила, что у него разболелась спина. Они все напряженно трудились, он изрядно устал. Но Фелисити была в прекрасной форме, едва ли не сияла. Тесс несколько раз ловила себя на том, что глазееет на сестру. Красота Фелисити все еще была новостью, и благодаря этому все в ней казалось прекрасным – ее смех, ее голос.

И все же Тесс не насторожилась. Она была по-глупому уверена в любви Уилла. Достаточно, чтобы носить старые джинсы и черную футболку, в которых она, по словам Уилла, напоминала байкершу. Чтобы поддразнивать его за легкую сварливость. И потом, пока они прибирались на кухне, он шлепнул ее пониже спины посудным полотенцем.

В последние выходные они, вопреки обыкновению, не виделись с Фелисити. Она сказала, что занята. Было дождливо и холодно; Тесс с Уиллом и Лиамом смотрели телевизор, играли в карты, вместе пекли блинчики. Прекрасно провели время, разве нет?

А теперь ей пришло в голову: вечером в пятницу Фелисити сияла, потому что была влюблена.

Дверь распахнулась, из коридора хлынул свет.

– Что там такое? – спросила мама Тесс.

На ней был синий стеганый халат, и она тяжело опиралась на пару костылей, близоруко моргая и кривясь от боли и усилий.

Тесс опустила взгляд на ее лодыжку в белых бинтах и представила, как мама просыпается, как выбирается из кровати и, прихрамывая, шарит вокруг в поисках халата и костылей.

– Ох, мама! – вздохнула она. – Прости, пожалуйста.

– За что ты извиняешься? И что вы здесь делаете?

– Мы приехали... – начала было Тесс, но у нее перехватило горло.

– Помогать тебе, бабушка! – крикнул Лиам. – Из-за лодыжки! Мы летели сюда прямо в темноте!

– Что ж, это очень мило с твоей стороны, дорогой мой, – заключила мама Тесс и отодвинулась на костылях в сторону, пропуская их в дом. – Входите, входите же. Простите, что я так долго ковыляла до двери. Я-то и понятия не имела, насколько хитрая штука эти чертовы костыли. Воображала, что буду небрежно скакать, куда захочу, но они врезаются в подмышки, как я не знаю что. Лиам, сбегай-ка включи свет на кухне, и мы выпьем горячего молока с коричневыми тостами.

– Круто!

Лиам направился на кухню и по какой-то необъяснимой причине, понятной только шестилетним мальчишкам, начал двигать руками и ногами рывками, словно робот.

– Обработка данных! Обработка данных! Коричный – тост – подтвержден!

Тесс занесла в дом сумки.

– Прости, – повторила она, поставив вещи в коридоре и подняв взгляд на мать. – Мне следовало бы позвонить. Твоя лодыжка очень болит?

– Что случилось? – спросила мать.

– Ничего.

– Врешь.

– Уилл... – начала было Тесс, но осеклась.

– Милая моя девочка.

Мама опасно пошатнулась, как будто пыталась потянуться к ней, не выпуская костылей.

– Только ничего больше не сломай, – попросила Тесс, поддержав ее.

Она чуюла запах зубной пасты, крема для лица и мыла, а подо всем этим – знакомый мускусный и чуть затхлый мамин запах. На стене коридора позади ее головы висела в рамке фотография семилетних Тесс и Фелисити: в праздничных белых кружевных платьицах и вуалях, с ладошками, благочестиво сложенными перед грудью, как принято для первого причастия. В коридоре у тетушки Мэри точно на том же месте висела такая же фотография. Фелисити с тех пор стала атеисткой, а Тесс определяла себя как «отпавшую от церкви».

– Давай же, расскажи, – потребовала Люси.

– Уилл, – снова попыталась объяснить Тесс. – И... и...

Закончить она не могла.

– Фелисити, – подсказала ее мать. – Я права? Да.

Она подняла локоть и с силой впечатала костыль в пол, так что фотография с первого причастия закачалась.

– Маленькая дрянь!

* * *

1961 год. Холодная война была на пике. Тысячи жителей Восточной Германии бежали на Запад. «Никто не собирается возводить стену», – объявил председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт, которого кое-кто называл роботом Сталина. Люди переглянулись, вскинув брови. Что за... Кто вообще что-то говорил о стене? Еще несколько тысяч собрали вещи.

В Сиднее, Австралия, девушка по имени Рейчел Фишер сидела на высокой стене над пляжем Мэнли, болтая длинными загорелыми ногами, а ее парень, Эд Кроули, с досадной увлеченностью листал «Сидней морнинг геральд». В газете была статья о событиях в Европе, но и Эда, и Рейчел Европа не слишком-то занимала.

Наконец Эд заговорил.

– Эй, Рейч, а давай купим тебе такое? – окликнул он и указал на развернутую перед ним страницу.

Рейчел без особого интереса заглянула ему через плечо. Газета была открыта на полностраничной рекламе ювелирной фирмы «Ангус энд Кут». Палец Эда остановился на обручальном кольце. Он едва успел поймать ее за локоть, пока она не свалилась со стены на пляж.

* * *

Они ушли. Рейчел лежала в постели, с включенным телевизором, журналом «Уименз уикли» на коленях и чашкой «Эрл грея» на тумбочке у кровати вкупе с плоской картонной коробкой печенья под названием «макарони», которую сегодня принесла Лорен. Рейчел следовало бы выставить ее на стол в конце вечера, но она забыла. Возможно, преднамеренно: никогда нельзя быть уверенной, насколько ей неприятна невестка. Не исключено, что Рейчел ее ненавидела.

Почему бы той не уехать в Нью-Йорк одной? Она бы получила полных два года «времени Лорен»!

Рейчел сдвинула картонный лоток на постель поближе к себе и внимательно осмотрела шесть ярко окрашенных печеньиц. На вид в них не было ничего особенного. Предположительно это был последний писк для тех, кого заботили последние пискки. Эти штуки продавались где-то в городе, в магазине, и люди часами стояли за ними в очереди. Дурачье. Им что, больше нечем заняться? Хотя казалось сомнительным, что Лорен будет часами стоять в очереди. В конце концов, ей-то уж точно есть чем заняться, и побольше, нежели всем остальным! Рейчел подозревала, что ей поведали целую историю о приобретении макарони, но, когда Лорен говорила о чем-либо, не имеющем отношения к Джейкобу, она обычно слушала вполуха.

Она выбрала красное печенье и осторожно надкусила.

– О господи, – простонала она мгновением позже.

Впервые за бог весть сколько лет Рейчел подумала о сексе. А затем откусила кусок побольше.

– Мать божья! – Она рассмеялась в голос.

Неудивительно, что люди выстраиваются за ними в очередь. Вкус оказался изысканным: малиновый аромат кремовой сердцевинки напоминал нежное прикосновение пальцев к коже, а безе было легким и воздушным, словно съедобное облако.

Стоп. Кто это сказал?

– Как будто съедобное облако, мамочка!

Восторженное маленькое личико.

Джейни. Года примерно в четыре. Впервые попробовала сахарную вату... в луна-парке? На церковном празднике? Рейчел не удавалось раздвинуть границы воспоминания. Оно было

сосредоточено только на сияющем лице Джейни и ее словах: «Как будто съедобное облако, мамочка».

Джейни пришла бы в восторг от этих макарони.

Печенье выскользнуло из пальцев Рейчел. Она согнулась, как будто в попытке избежать первого удара, но слишком поздно – он уже настиг ее. Давно уже ей не было настолько плохо. Волна боли, такой же свежей и потрясающей, как в тот первый год, когда она просыпалась каждое утро и на мгновение забывала, а потом ей в лицо било осознание, что в комнате дальше по коридору нет Джейни. И никто не опрыскивает себя слишком обильно тошнотворным дезодорантом «Импульс», не наносит макияжа в оранжевых тонах поверх безупречной семнадцатилетней кожи, не пританцовывает под Мадонну.

Могучая, неистовая несправедливость разрывала и скручивала ее сердце, словно в схватках. Моя дочь пришла бы в восторг от этих дурацких печенюц. Моя дочь сделала бы карьеру. Моя дочь могла бы уехать в Нью-Йорк.

Стальные тиски охватили грудь Рейчел и сдавили так, что она едва не задохнулась и хватанула ртом воздух, но сквозь панику до нее доносился усталый, спокойный голос.

«С тобой такое уже бывало, – нашептывал он. – Это тебя не убьет. Тебе кажется, что ты не можешь вздохнуть, но на самом деле ты дышишь. Тебе кажется, что ты никогда не перестанешь плакать, но на самом деле ты уймешься».

Наконец мало-помалу тиски, сжимавшие ее грудную клетку, ослабли, и она снова смогла дышать. Полностью они не исчезали никогда. Она смирилась с этим давным-давно. Она так и умрет с тисками скорби, по-прежнему сдавливающими грудь. Она и не хотела, чтобы они исчезли. Без них ей показалось бы, будто Джейни никогда и не было на свете.

Ей вспомнились все те рождественские открытки в первый год. «Дорогие Рейчел, Эд и Роб, мы желаем вам радостного Рождества и счастливого Нового года».

Как будто семья попросту сомкнула ряды на том месте, где прежде была Джейни. И еще и «радостного»! Они что, выжили из своих куцых умишек? Она чертыхалась каждый раз, когда читала очередную открытку, и рвала ее на мелкие кусочки.

– Мам, да не цепляйся ты к ним, они просто не знают, что еще сказать, – устало попросил ее Роб.

Ему было всего пятнадцать, а его лицо, казалось, принадлежало грустному, бледному, прыщавому пятилетке.

Рейчел стряхнула с простыней крошки от макарони. «Крошки! Господь всемогущий, ты только взгляни на этот мусор!» – непременно сказал бы Эд. Он считал, что есть в постели безнравственно. Опять же, если бы он увидел телевизор на комод, его бы хватил удар. Эд верил, что люди, которые держат в спальне телевизор, сродни наркоманам-кокаинистам – слабые, развращенные личности. Согласно мнению Эда, в спальне положено, во-первых, молиться, стоя на коленях у кровати, касаясь головой сложенных пальцев и быстро шевеля губами, чтобы не тратить слишком много Божьего времени; во-вторых, заниматься сексом, желательно каждую ночь; и в-третьих, спать.

Она взяла пульт дистанционного управления и направила на телевизор, переключивая каналы.

Документальный фильм о Берлинской стене.

Нет. Слишком грустно.

Очередная передача о расследовании преступлений.

Только этого не хватало.

Семейный комедийный сериал.

Тут она на мгновение задержалась, но на экране муж и жена кричали друг на друга, и их пронзительные голоса резали слух. Тогда она переключилась на кулинарную передачу и приглушила звук. Оставшись одна, Рейчел леглась спать с работающим телевизором: успокаивающая банальность бормочущих голосов и мелькающих картинок удерживала на расстоянии ужас, который временами ею овладевал.

Она улеглась на бок и закрыла глаза. Свет она на ночь не выключала. После смерти Джейни они с Эдом не выносили темноты. Не могли лечь спать, как нормальные люди, им приходилось одурачивать самих себя и притворяться, будто вовсе и не собираются в царство Морфея.

Ей привиделся Джейкоб: вот он ковыляет по улице Нью-Йорка в джинсовом комбинезончике, присаживается на корточки, упершись пухлыми ручками в коленки, чтобы рассмотреть повнимательнее пар, валяющийся из отдушин в дороге. А этот пар, случаем, не горячий?

Плакала ли она сейчас по Джейни – или на самом деле по Джейкобу? Она знала лишь одно: как только у нее отнимут внука, жизнь снова сделается невыносимой.

Вот только, и это было хуже всего, в действительности Рейчел вполне сможет ее выносить. Это не убьет ее, и она продолжит существовать день за днем, в бесконечной петле великолепных восходов и закатов, которых не довелось увидеть Джейни.

«Джейни, ты звала меня?»

Эта мысль всегда казалась ей острием ножа, проворачивающегося в самой ее сердцевине.

Она где-то читала, как раненые солдаты, умирая на поле боя, просили морфия и звали матерей. Особенно итальянские солдаты. «Mamma mia!» – кричали они.

Внезапным движением, болью отдавшимся в спине, Рейчел села, а там и выскочила из постели прямо в пижаме Эда, которую носила со времен смерти мужа. Его запах давно выветрился, но Рейчел почти удавалось вообразить, что он по-прежнему на месте.

Она опустилась на колени перед комодом и вытащила старый фотоальбом в мягкой выцветшей обложке из зеленого винила.

Рейчел села обратно на кровать и принялась медленно переворачивать страницы. Джейни смеется. Джейни танцует. Джейни ест. Джейни дуется. Джейни с друзьями.

В том числе и с ним. С тем мальчиком. Его голова повернута прочь от камеры, он смотрит на Джейни так, будто она только что сказала что-то остроумное и забавное. Что она сказала? Всякий раз Рейчел задумывалась над этим. Джейни, что ты сейчас произнесла?

Рейчел прижала кончик пальца к его смешливому веснушчатому лицу, и ее артритная, покрытая возрастными пятнами рука сжалась в кулак.

Поднявшись с постели тем зябким апрельским утром, Джейни Кроули первым делом подсунула спинку стула под дверную ручку, чтобы никто из родителей не смог застукать ее на месте преступления. Затем опустилась на колени около кровати и приподняла угол матраса, чтобы достать из-под него бледно-голубую коробочку. Джейни присела на край постели, вытащила из упаковки крошечную желтую таблетку и на кончике пальца поднесла ее к глазам, размышляя о ней и обо всем, что она собой символизировала. Потом положила ее на язык не менее благоговейно, чем гостию на причастии. Затем снова спрятала коробочку под матрас и запрыгнула обратно в теплую постель, укрылась одеялом и включила радиочасы, откуда с металлическим призвуком полился голос Мадонны, поющей «Like a Virgin».

Крошечная таблетка отдавала химической сладостью. Это был восхитительный вкус греха.

– Думай о своей девственности как о даре, – посоветовала ей как-то мать. – Не стоит вручать его первому попавшемуся другу.

Это был один из тех разговоров, где родительница пыталась притвориться современной. Как будто добрачный секс в какой бы то ни было форме ничуть ее не смущал. Как будто отец не рухнул бы на колени, чтобы молиться тысячу девяти, при одной только мысли о том, что кто-то прикоснется к его невинной маленькой девочке.

Джейни вовсе не собиралась отдавать девственность кому попало. Она рассмотрела все поступившие заявления и сегодня сообщит об успехе победившему кандидату.

Песня сменилась новостями, но большая их часть оказалась скучной и не задержалась у нее в голове, поскольку не имела к ней отношения. Заинтересовало ее только сообщение о том, что в Канаде родился первый ребенок из пробирки. В Австралии уже был ребенок из пробирки! Так что первенство за нами, Канада! Ха-ха. В Канаде жили ее старшие двоюродные сестры, и она невольно завидовала их изоощренной любезности и не вполне американскому выговору. Она села на постели, схватила школьный ежедневник и нарисовала длинного тонкого младенца, втиснутого в пробирку: маленькие ладошки прижимаются к стеклу, рот разинут. «Выпустите меня, выпустите меня!» Девчонки в школе помрут со смеху. Она захлопнула ежедневник. Сама мысль о ребенке из пробирки казалась отталкивающей. Напоминала о том дне, когда их учитель естественных наук начал говорить о женских яйцеклетках. О-мер-зи-тель-но! А хуже всего что? Что естественные науки у них вел мужчина. Мужчина, рассказывающий о женских яйцеклетках, – это попросту неподобающе! Джейни с подругами пришли в ярость. А еще он наверняка хотел бы заглянуть им всем в вырез блузки. Они ни разу не поймали учителя на горячем, но так и чувствовали его отвратительную похоть.

Какая жалость, что жизнь Джейни должна была оборваться спустя всего лишь восемь часов – ведь ее характер переживал сейчас не лучшие времена. Она была очаровательной малышкой, славным ребенком, милым и застенчивым подростком, но примерно в прошлом мае, когда ей исполнилось семнадцать, все изменилось. Джейни смутно осознавала, что стала несколько гадкой. Но это была не ее вина. Ее пугало все подряд: университет, вождение автомобиля, звонок парикмахеру, чтобы условиться о посещении. Гормоны сводили ее с ума, и множество мальчишек начали проявлять к ней какой-то болезненный интерес, как будто

она была хорошенькой, – это ей льстило, но и сбивало с толку: ведь в зеркале она видела только свое заурядное, ненавистное лицо и нескладное, длинное и тощее тело. Одноклассница как-то заметила, что Джейни похожа на богомола, и это было вполне справедливо. Ее конечности казались слишком длинными, особенно руки. Она вся была непропорциональной.

Опять же, с матерью тем временем происходило что-то странное: она не сосредоточивалась целиком на Джейни, а ведь до недавних пор все ее внимание с раздражающим пылом обрушивалось на дочь. Ее матери было сорок! Да что вообще интересного могло происходить в ее жизни? Джейни беспокоило, что этот яркий луч интереса вдруг без предупреждения рассеялся. И даже, пожалуй, обижало, хотя она ни за что в этом не призналась бы и даже не отдавала себе отчета в том, что обижена.

Если бы Джейни выжила, ее мать вскоре вновь сосредоточилась бы на ней со всем привычным пылом, а к дочери вернулось бы очарование – примерно к девятнадцатому дню рождения. Они были бы близки настолько, насколько это возможно для матери с дочерью, и это Джейни похоронила бы свою мать, а не наоборот.

Если бы Джейни выжила, она успела бы попробовать легкие наркотики и хулиганистых парней, акваэробiku и садоводство, «Ботокс» и тантрический секс. За всю жизнь с ней случилось бы три мелкие автомобильные аварии, тридцать четыре сильных простуды и две серьезные хирургические операции. Она стала бы умеренно успешным художником-оформителем, смелой аквалангисткой, капризной, но увлеченной туристкой и одной из первых обладательниц айпода, айфона и айпада. Она развелась бы с первым мужем и завела ЭКО-близнецов со вторым, и слова «дети из пробирки», словно бородастый анекдот, пришли бы ей на ум, когда она вывешивала бы их фотографии на «Фейсбуке», чтобы ими полюбовались ее двоюродные сестры из Канады. Она сменила бы имя на Джейн в двадцать лет и обратно на Джейни в тридцать.

Если бы Джейни Кроули выжила, она бы путешествовала и сидела на диетах, танцевала и готовила, смеялась и плакала, много смотрела телевизор и старалась изо всех сил.

Но ничему из этого не суждено было сбыться, ведь наступило утро последнего дня ее жизни. И хотя она с немалым удовольствием полюбовалась бы на перепачканные тушью лица подруг, пока те при всем честном народе цеплялись друг за дружку и рыдали над ее могилой в оргии скорби, все же Джейни, безусловно, предпочла бы на собственном опыте пережить все то, что ей еще только предстояло.

Большую часть времени на похоронах сестры Урсулы Сесилия размышляла о сексе.

Не об извращенном сексе. О славном, супружеском, одобренном папой римским сексе. Но тем не менее. Покойница, вероятно, этого бы не оценила.

– Сестра Урсула посвятила свою жизнь детям из школы Святой Анджелы.

Отец Джо взялся за края аналая, торжественно взирая на горсточку скорбящих. Хотя, вот если честно, скорбел ли по сестре Урсуле вообще хоть кто-нибудь в этой церкви? На миг священник вроде бы встретился взглядом с Сесилией, как будто искал одобрения. Сесилия кивнула и чуть заметно улыбнулась ему, давая понять, что он отлично справляется.

Отцу Джо сравнялось всего тридцать, и выглядел он вполне привлекательно. Что в наши дни побуждает столь молодых мужчин принимать духовный сан? Соблюдать целибат?

Итак, снова к сексу. Прости, сестра Урсула.

Как Сесилии помнилось, впервые она заметила, что с их сексуальной жизнью не все ладно, на прошлое Рождество. Они с Джоном Полом постоянно ложились в постель в разные часы. Либо он засиживался допоздна за работой или в Интернете и она засыпала раньше, чем он присоединялся к ней в кровати, либо внезапно объявлял, что совершенно вымотался, и ложился в девять. Недели сменяли одна другую, и порой она спохватывалась: «Боже, сколько же времени прошло?» – но тут же забывала об этом.

Затем была та ночь в феврале, когда она отправилась поужинать с другими матерями четвероклассников и выпила больше обычного, поскольку за рулем была Пенни Марони. Ложась в постель, Сесилия была настроена игриво, но Джон Пол оттолкнул ее руку и пробормотал: «Слишком устал. Оставь меня в покое, женщина, ты пьяна». Она посмеялась и заснула, совершенно не оскорбившись. Вот пусть он теперь заведет разговор о сексе – она скажет шутливо: «О, так, значит, теперь тебе этого захотелось». Но возможности сказать что-то в этом роде ей так и не предоставилось. Именно тогда она начала отмечать проходящие дни. В чем же дело?

По ее ощущениям, минуло уже около полугода, и ее замешательство все возрастало. Но всякий раз, когда на язык просилось: «Послушай, милый, что происходит?», что-то ее останавливало. Между ними секс никогда не был поводом для разногласий, как это бывает у многих пар. Она не использовала его как оружие или предмет для торга. Он оставался чем-то невысказанным, естественным и прекрасным. И ей не хотелось бы все разрушить.

А может, она просто боялась услышать его ответ.

Или, того хуже, молчание вместо ответа. В прошлом году Джон Пол увлекся греблей. Он был в восторге и по воскресеньям приходил домой, бессвязно расписывая, как ему это нравится. А затем неожиданно и необъяснимо ушел из команды.

– Я не хочу об этом говорить, – заявил он, когда она пристала к нему с расспросами. – Закроем тему.

Временами Джон Пол вел себя так странно.

Сесилия поспешно выбросила эту мысль из головы. К тому же она была почти уверена, что все мужчины временами ведут себя странно.

Опять же, шесть месяцев – это, в общем-то, не так уж и долго, правда? Во всяком случае, для женатой пары средних лет. Пенни Марони говорила, что они занимаются сексом хорошо если раз в год.

Впрочем, в последнее время из-за постоянных мыслей о сексе Сесилия ощущала себя мальчишкой-подростком. Умеренно порнографические образы мелькали в ее голове, пока она стояла в очереди к кассе в супермаркете. Она беседовала с другими родителями на игровой площадке о предстоящей экскурсии в Канберру, а сама тем временем вспоминала гостиницу в Канберре, где Джон Пол связал ей запястья синей пластиковой лентой, которую ей выдал физиотерапевт, чтобы упражнять голеностоп.

Они забыли эту ленту в номере.

В голеностопе у Сесилии до сих пор что-то щелкало, когда она поворачивала ногу определенным образом.

Как же справляется отец Джо? Ей сорок два года, она замотанная мать трех дочерей, на горизонте маячит менопауза, а она отчаянно жаждет секса, – значит, отец Джо Маккензи, здоровый молодой мужчина, которому ничто не мешает выспаться, наверняка сталкивается с теми же трудностями.

Может, он мастурбирует? Разрешено ли подобное католическим священникам, или это шло бы вразрез с самой идеей целибата?

Погодите, разве онанизм не считается грехом для всех? Ее неверующие друзья обычно предполагали, что она должна знать вещи такого рода. Похоже, считали ее ходячей Библией.

Сказать по правде, будь у нее время как следует об этом подумать, она усомнилась бы, что по-прежнему остается такой уж горячей почитательницей Бога. Похоже, Господь давным-давно перестал справляться с делами. Каждый день с детьми по всему миру случались ужасные вещи. Это непростительно.

Маленький Человек-паук.

Она закрыла глаза, отгоняя воспоминание.

Сесилию не заботило, что там оговорено в примечаниях мелким шрифтом о свободной воле, неисповедимых путях Господних и всем таком прочем. Если бы у Бога был начальник, она уже давно отправила бы ему одно из своих знаменитых негодующих писем: «Вы лишились клиента в моем лице».

Она всмотрелась в смиренные черты отца Джо. Как-то он сказал ей, что находит «поистине занимательным, когда люди подвергают сомнению собственную веру». Но она не считала, что эти сомнения имеют такое уж большое значение. Она верила в Святую Анджелу всем сердцем: в школу, в приход, в сообщество, которое они представляли. Она верила, что «любите друг друга» – чудесный нравственный закон, которым следует руководствоваться. Таинства казались ей прекрасными, вневременными ритуалами. Католическая церковь была командой, за которую она неизменно болела. Что до Бога и того, насколько успешно Он (или она!) справляется со своей работой, – что ж, это уже совершенно другой вопрос.

И тем не менее все считали ее истинно верующей.

Ей вспомнилось, что Бриджет как-то на днях за ужином спросила: «Когда ты успела так удариться в религию?» Сесилия тогда упомянула что-то совершенно обыденное насчет первой исповеди Полли в будущем году – или примирения с Богом, как это называют теперь. Можно подумать, ее сестра в школьные годы сама не блистала на литургических танцах.

Сесилия без колебаний пожертвовала бы сестре почку, но временами ей искренне хотелось сесть на Бриджет сверху и положить подушку ей на голову. В детстве это вполне успешно помогало держать ее в рамках. Прискорбно, но взрослым приходится обуздывать свои истинные чувства.

Конечно, Бриджет тоже отдала бы Сесилии почку. Только она бы гораздо больше ныла,

выздоровливая, упоминала бы об этом при каждой возможности и проследила бы за тем, чтобы сестра покрыла все ее расходы.

Отец Джо подвел речь к завершению. Разрозненная группка людей в церкви поднялась на ноги для заключительного гимна – тихий шелест сдержанных вздохов, приглушенный кашель и пощелкивание немолодых коленей. Сесилия перехватила взгляд Мелиссы Макналти, стоящей через проход от нее. Та вскинула брови, подразумевая: разве мы не добрые люди, коли пришли на похороны сестры Урсулы, хотя она была такой противной, а у нас есть множество других дел?

Сесилия в ответ удрученно пожала плечами: но разве не так оно всегда и бывает?

У нее в машине лежал заказ из «Таппервера», который нужно было передать Мелиссе после похорон, а заодно уточнить, присмотрит ли та днем за Полли на балете, поскольку самой Сесилии еще предстоял поход с Эстер к логопеду и стрижка Изабелы. И, раз уж об этом зашла речь, Мелиссе определенно стоило бы подкрасить волосы. Ее темные корни смотрелись ужасно. Сесилии следовало бы быть милосерднее и не обращать на это внимания, но она невольно вспомнила, как в прошлом месяце в столовой выслушивала жалобы Мелиссы на то, что ее муж хочет заниматься сексом через день, словно по графику.

Подпевая «Великому Богу», Сесилия задумалась о шутливом замечании Бриджет за ужином и поняла, почему оно так задело ее.

Все дело в сексе. Без секса она оказывалась всего лишь занудной старомодной мамашей средних лет. А она, между прочим, вовсе не старомодна. Только вчера водитель грузовика со вкусом присвистнул ей вслед, когда она перебежала улицу на красный свет, чтобы купить кориандр.

Свист определенно предназначался ей. Она даже огляделась, дабы убедиться, что в поле зрения нет более молодых и привлекательных женщин. На прошлой неделе ее обескуражил подобный свист, пока она прогуливалась по торговому центру с дочерьми: обернувшись, она увидела, что Изабель решительно смотрит прямо перед собой, розовая от смущения. Изабель внезапно вытянулась, догнав мать ростом, и начала местами округляться: сделалась тоньше в талии, раздалась в груди и бедрах. В последнее время она убирала волосы в высокий хвост с тяжелой прямой челкой, слишком низко спадающей на глаза. Она росла, и замечала это не только ее мать.

«Начинается», – грустно подумала Сесилия.

Она жалела, что не может вручить Изабелы щит вроде тех, которыми пользуется полиция при борьбе с беспорядками, чтобы уберечь ее от мужского внимания: от чувства, будто тебе начисляют очки всякий раз, когда ты проходишь по улице, от оскорбительных выкриков из машин, от небрежных оценивающих взглядов. Она хотела бы сесть и поговорить с дочерью об этом, но не знала, что сказать. Она и сама-то толком с этим не разобралась. Это неважно. Это важно. Они не имеют права внушать тебе такие мысли. Или: просто не обращай внимания, однажды тебе стукнет сорок, и ты медленно осознаешь, что больше не ловишь на себе взглядов, и свобода принесет облегчение, но отчасти тебе станет их не хватать, и когда ты будешь перебегать дорогу, а водитель грузовика свистнет тебе вслед, ты подумаешь: «Правда? Это вы мне?»

Опять же, прозвучал свист вполне искренне и дружелюбно.

Нет, пожалуй, унижительно так много думать об этом случае.

Что ж, как бы там ни было, она не боялась, что Джон Пол завел роман на стороне. Ни в коем случае. Этого просто не может быть. Ему бы времени не хватило на роман! Куда бы он

его уместил?

Впрочем, он изредка путешествовал. Это время можно было потратить на интрижку.

Гроб сестры Урсулы выносили из церкви четверо широкоплечих юношей с взъерошенными волосами, в костюмах и при галстуках, с нарочито бесстрастными лицами. Предположительно они приходились ей племянниками. Подумать только: сестра Урсула имела общую ДНК со столь привлекательными молодыми людьми. Должно быть, они тоже все время похорон думали о сексе. Такие здоровые ребята с бурлящим юношеским либидо. Тот, что повыше, с темными сверкающими глазами, выглядел особенно симпатичным...

Боже правый. Теперь она воображает, что занимается сексом с одним из мальчишек, несущих гроб сестры Урсулы. Совсем ребенком, судя по виду. Должно быть, еще и школу не закончил. Ее мысли не только безнравственны и неуместны, но еще и противозаконны. Хотя противозаконно ли думать? Вожделеть юношу, несущего гроб учительницы третьих классов?

В Страстную пятницу Джон Пол вернется из Чикаго, и они будут заниматься любовью еженощно. Откроют свою сексуальную жизнь заново. Им всегда было так хорошо вместе. Она как-то привыкла считать, что их паре повезло с сексом больше, чем всем остальным. На школьных мероприятиях эта мысль изрядно ее подбадривала.

Джон Пол нигде не мог бы найти лучшего секса. Сесилия прочла много книг и поддерживала навыки на уровне современных требований, как будто это было ее профессиональной обязанностью. Ему не было нужды заводить роман на стороне. Не говоря уже о том, что он был одним из самых нравственных, правильных людей из всех, кого она знала. Он и за миллион долларов не пересек бы двойную сплошную линию. Измена для него была бы делом невозможным. Он никогда бы на такое не решился.

То письмо не имело никакого отношения к походам налево. Она вовсе даже и не думала о письме! Вот насколько это ее не беспокоило. Когда ей прошлым вечером мимолетно показалось, будто он лжет по телефону, это было исключительно плодом воображения. Неловкость при обсуждении письма была вызвана естественной нескладностью, присущей всем телефонным звонкам на дальнее расстояние. В таких разговорах всегда есть нечто неестественное. Вы находитесь на противоположных концах света, у вас разное время суток, так что вы не можете вполне соразмерить голоса: один из вас слишком бодр, а другой, наоборот, расслаблен.

Письмо не может содержать никаких шокирующих откровений. Там не говорится, к примеру, о другой тайной семье, которую он содержит. Для двоеженства Джону Полу не хватило бы организационных способностей. Он бы давным-давно допустил ошибку: приехал бы не в тот дом, назвал бы одну жену именем второй. Он бы постоянно забывал вещи в другом месте!

Если только, конечно, его рассеянность не была частью прикрытия.

Возможно, он гей. Вот почему он потерял интерес к сексу. И все это время только притворялся гетеросексуальным. Что ж, тогда он, определенно, неплохо постарался. Ей вспомнились первые годы их совместной жизни, когда им случалось заниматься сексом по три-четыре раза на дню. Никакое чувство долга не могло бы подвигнуть его на такие жертвы, если бы он всего лишь изображал заинтересованность.

Однако ему действительно нравились мюзиклы. Он был в восторге от «Кошек»! И ему лучше удавалось причесывать девочек, чем самой Сесилии. Всякий раз, когда Полли предстояло балетное выступление, она настаивала, чтобы именно Джон Пол убирал ей волосы в пучок. Он мог обсуждать с Полли арабески и пируэты так же, как футбол с

Изабелью или «Титаник» с Эстер.

И свою маму он обожал. Разве мужчины-геи не особенно близки с матерями? Или это просто миф?

У него была персиковая рубашка поло, и он сам ее гладил.

Да, возможно, он гей.

Гимн закончился. Гроб сестры Урсулы покинул церковь, и люди с чувством исполненного долга принялись подбирать сумки и куртки, готовясь разойтись по своим делам.

Сесилия отложила книгу псалмов. Ради всего святого. Ее муж не гей. Ей вспомнилось, как в прошлые выходные на футбольном матче Изабелли Джон Пол расхаживал взад-вперед вдоль кромки поля и выкрикивал что-то ободряющее. Помимо суточной серебристой щетины, на его щеках красовалась пара фиолетовых наклеек с балеринами. Их прилепила туда Полли забавы ради. Воспоминание принесло волну нежности. В Джоне Поле не было ничего женственного. Он просто нравился себе такой, какой он есть, и не пытался никому ничего доказывать.

Письмо не имеет ни малейшего отношения к затишью их сексуальной жизни. Оно вообще ни к чему не имеет отношения. Конверт благополучно заперт в шкафу для документов, в красно-коричневой папке вместе с копиями их завещаний.

Она пообещала его не вскрывать. Так что она не может и не станет это делать.

Ты не знаешь, кто умер? – поинтересовалась Тесс.

– Что ты сказала? – переспросила ее мать.

Глаза у нее были закрыты, а лицо обращено к солнцу.

Они находились на игровой площадке при начальной школе Святой Анджелы. Мама Тесс устроилась в инвалидной коляске, которую они взяли напрокат в местной аптеке, а ее больная нога покоилась на подставке. Тесс предполагала, что мама возненавидит коляску, но ту, похоже, все устраивало: она сидела с безукоризненно выпрямленной спиной, словно на званом обеде.

Они ненадолго задержались на утреннем солнышке, пока Лиам исследовал школьный двор. У них еще оставалось несколько минут до назначенной встречи с секретарем на счет зачисления Лиама.

Люси договорилась обо всем еще с утра и с гордостью сообщила дочери, что мальчика примут без вопросов. Собственно говоря, они могут все устроить хоть сегодня, если захотят!

– Это не горит, – ответила ей Тесс. – Нам необязательно что-то предпринимать до Пасхи.

Она не просила маму звонить в школу. Разве она не имеет права по меньшей мере ближайшие сутки приходить в себя от потрясения и не заниматься ничем другим? Благодаря хлопотам матери все происходящее казалось чересчур реальным и бесповоротным, как будто тот кошмарный розыгрыш был чистой правдой.

– Я могу отменить встречу, если хочешь, – с мученическим видом предложила Люси.

– Ты уже договорилась? Не спросив меня?

– Ну, я просто решила, что нам стоит стиснуть зубы и двигаться дальше.

– Ладно, – вздохнула Тесс. – Давай так и сделаем.

Естественно, Люси настояла на том, чтобы пойти с ними. Скорее всего, она и на все вопросы станет отвечать за Тесс, как делала и прежде, пока та была маленькой и робела при встрече с незнакомцами. Мама так никогда толком и не избавилась от привычки говорить за нее. Эта манера слегка смущала Тесс, но в то же время казалась довольно милой и расслабляющей, словно обслуживание в пятизвездочном отеле. Почему бы и не позволить кому-то другому делать за тебя всю тяжелую работу?

– Ты не знаешь, кто умер? – повторила Тесс свой вопрос.

– Умер?

– Похороны, – пояснила Тесс.

Школьная игровая площадка примыкала к церковному двору, и отсюда было видно гроб, который несли к катафалку четверо молодых людей.

Чья-то жизнь подошла к концу. Кто-то никогда больше не ощутит на лице солнечного света. Опираясь на эту мысль, Тесс попыталась взглянуть на свою боль под новым углом, но это не помогло. Она задумалась, не занимаются ли Уилл с Фелисити любовью прямо в эту минуту, в ее постели. Уже позднее утро, но им никуда не нужно идти. Их связь представлялась Тесс кровосмешением, чем-то грязным и неправильным. Она содрогнулась. В горле стоял горьковатый привкус, как будто она всю ночь напролет пила дешевое вино. И в глаза словно песка насыпали.

Погода тоже не облегчала ситуацию – слишком уж чудесной она была, будто в насмешку

над болью Тесс. Сидней утопал в золотистой дымке. Японские клены перед школой ярко пламенели, камелии цвели роскошным густым багрянцем. На окнах классов выстроились горшки с алыми, желтыми, персиковыми и кремовыми бегониями. Высокие песчаниковые стены церкви Святой Анджелы четко вырисовывались на фоне кобальтовой синевы неба. Мир прекрасен, как будто говорил Тесс сам Сидней. Что с тобой-то не так?

– Ты не знаешь, кого там хоронят? – по возможности мягче поинтересовалась она.

На самом деле ее не особенно волновало, чьи это похороны. Просто хотелось слушать чужие слова о чем угодно, только бы прогнать видение рук Уилла на построенном белом теле Фелисити. У сестры фарфоровая кожа. Сама Тесс была смуглее – сказало наследие с отцовской стороны. Одна из прабабушек Тесс, умершая еще до ее рождения, была ливанкой.

Уилл с утра позвонил ей на мобильный. Не стоило отвечать, но, когда Тесс увидела его имя, в ней вспыхнула незванная искорка надежды и она схватила трубку. Он звонит сказать, что все это было ошибкой. Ну конечно же.

Но стоило ему заговорить этим новым, ужасным, веским и торжественным тоном без намека на смех, как надежда угасла.

– Ты в порядке? – спросил он. – У Лиамы все хорошо?

Он говорил так, будто в их жизни недавно произошло несчастье, в котором он ничуть не виноват.

Ей отчаянно хотелось пожаловаться настоящему Уиллу на то, что наделал этот новый Уилл, захватчик без чувства юмора, на то, как он разбил ее сердце. Настоящий Уилл захотел бы все исправить ради нее. Настоящий Уилл сразу же отобрал бы у нее трубку, пожаловался бы на то, как обошлись с его женой, и потребовал бы возмещения. Настоящий Уилл заварил бы ей чашку чая, наполнил бы ванну и, наконец, обернул бы эту ситуацию так, чтобы она увидела в ней забавную сторону.

Вот только на этот раз забавной стороны не было.

Ее мать открыла глаза и, прищурившись, оглянулась на Тесс.

– По-моему, ту жуткую монашку.

Тесс приподняла брови, обозначая легкое потрясение, и мама усмехнулась, довольная собой. Она с такой решительностью взялась веселить дочь, что напоминала эстрадного артиста, в отчаянии прибегающего к самым рискованным новинкам, чтобы удержать слушателей на местах. С утра, сражаясь с крышкой на банке «Веджимайта», она даже употребила слово «ублюдочный», тщательно выговорив его по слогам, так что оно прозвучало не более бранным, чем, скажем, «лепрекон».

Мать воспользовалась самым крепким ругательством в своем лексиконе, поскольку пылала гневом от ее лица. Люси, произносящая «ублюдочный», – это все равно что кроткий и вежливый, законопослушный гражданин, внезапно превратившийся в народного мстителя с ружьем наперевес. Вот почему она так быстро созвонилась со школой. Тесс ее понимала. Маме хотелось действовать – сделать что-нибудь, что угодно, ради дочери.

– Какую именно из жутких монашек?

– Где Лиам? – спохватилась мать и неловко извернулась в коляске.

– Вон там, – подсказала Тесс.

Лиам бродил по игровой площадке, изучая ее оснащение пресыщенным взглядом шестилетнего эксперта. Присел на корточки у подножия большой желтой горки-трубы и засунул голову внутрь, как будто проводил проверку эксплуатационной безопасности.

– Я на мгновение потеряла его из вида.

– Тебе необязательно следить за ним все время, – мягко напомнила Тесс. – Это вроде как моя работа.

– Конечно твоя.

С утра за завтраком они обе пытались проявить взаимную заботу. У Тесс оказалось преимущество: имея две рабочие лодыжки, она успела вскипятить чайник и заварить чай за то время, пока ее мама тянулась за костылями.

Тесс наблюдала, как Лиам подходит к краю игровой площадки, под смоковницу, где они с Фелисити обычно обедали в компании Элоизы Бангонии. Элоиза познакомила их с каннеллони, что было ошибкой в отношении человека с метаболизмом Фелисити. Миссис Бангония давала дочери с собой столько еды, что хватало на троих. Это было еще до того, как вопрос детского ожирения начал всех беспокоить. Тесс до сих пор помнила этот вкус. Божественно.

Лиам замер, уставившись в пространство, словно увидел, как его мать впервые пробует каннеллони.

Возвращение в старую школу сбивало с толку, как будто время было одеялом и его свернули так, чтобы разные концы оказались наложены друг на друга.

Надо будет напомнить Фелисити о каннеллони миссис Бангонии.

Нет. Нет, не надо.

Лиам внезапно повернулся и на манер каратиста пнул мусорный бак, так что тот лязгнул.

– Лиам, – сделала ему замечание Тесс, но недостаточно громко, чтобы он услышал.

– Лиам! Тсс! – куда громче одернула внука Люси, прижав к губам палец и кивнув на церковь.

Небольшая компания скорбящих уже высypала наружу, и теперь они стояли, беседуя между собой со скованностью и облегчением, характерными для участников похорон.

Лиам не стал больше пинать бак. Он был послушным ребенком. Вместо этого он подобрал палку, взял ее двумя руками, словно пулемет, и принялся молча целиться из нее по сторонам. Тем временем из окна приготовительного класса зазвенели нежные детские голоса, поющие про крошку-паучка.

«О господи, – подумала Тесс, – где он этому научился?»

Ей стоит бдительнее отнестись к компьютерным играм, в которые он играет, хотя она невольно восхитилась достоверности, с которой он по-солдатски сужал глаза. Надо будет потом рассказать Уиллу. Пусть посмеется.

Нет, она не расскажет об этом Уиллу.

Ее мозг, похоже, никак не поспевал за реальностью. Этой ночью она пыталась во сне подкатиться под бок Уиллу, но на его месте находила лишь пустоту, и, вздрогнув, просыпалась. Они с Уиллом прекрасно спали рядом. Никакого подергивания, храпа или сражений за одеяло. «Я больше не могу без тебя выспаться, – пожаловался как-то Уилл, хотя они тогда встречались всего лишь несколько месяцев. – Как будто без любимой подушки. Теперь придется брать тебя с собой, куда бы я ни поехал».

– Какая именно из жутких монашек умерла? – снова спросила Тесс у матери, глядя на скорбящих.

Сейчас было неподходящее время для подобных воспоминаний.

– Не все они были жуткими, – заметила Люси. – Большинство их выглядели довольно мило. Как насчет сестры Маргарет Энн, которая пришла к тебе на день рождения в десять

лет? Она была красавицей. По-моему, твой отец на нее заглядывался.

– Серьезно?

– Ну, может, и нет.

Мама пожалала плечами, как будто равнодушие к хорошеньким монашкам было всего лишь еще одним недостатком ее бывшего мужа.

– В любом случае это должны быть похороны сестры Урсулы. На прошлой неделе в приходской газете писали, что она умерла. По-моему, тебя она не учила? Говорят, била учеников ручкой метелочки для смахивания пыли. В наши дни никто не пользуется перьевыми метелочками. Интересно, стало ли в мире из-за этого больше пыли?

– Кажется, я помню сестру Урсулу, – задумалась Тесс. – Красное лицо и брови как гусеницы. Мы обычно от нее прятались, когда она дежурила на игровой площадке.

– Не уверена, остались ли еще монашки среди учителей в школе. Вымирающая порода.

– В буквальном смысле, – уточнила Тесс.

– О боже, я не имела в виду... – Люси фыркнула и осеклась, отвлеченная чем-то у входа в церковь. – Ладно, милая, соберись с духом. Нас только что заметила одна из приходских дам.

– Что?

Тесс немедленно охватил ледяной ужас, словно мать сообщила, что их заметил проходящий мимо снайпер.

Миниатюрная блондинка уже отделилась от группки скорбящих и резво направлялась к ним через школьный двор.

– Сесилия Фицпатрик, – пояснила мама. – Старшая из девочек Беллов. Вышла замуж за Джона Пола, старшего мальчика Фицпатриков. самого симпатичного, если хочешь знать мое мнение, хотя они все один другого стоят. У Сесилии, кажется, была младшая сестра, которая могла с тобой учиться. Не помнишь Бриджет Белл?

Тесс уже собиралась сказать, что никогда о них не слышала, но тут воспоминание о сестрах Белл начало постепенно всплывать в ее сознании, словно отражение на воде. Ей не удалось отчетливо представить их лица – только длинные и тонкие белокурые косы, развевавшиеся за спиной, пока они бегали по школе, занимаясь тем, чем обычно занимаются дети, вокруг которых вращается мир.

– Сесилия продает посуду от «Таппервера», – продолжала мама. – Зарабатывает на этом огромные деньги.

– Но она же нас не знает, правда?

Тесс с надеждой оглянулась через плечо, проверяя, нет ли там кого-нибудь, кто махал бы рукой Сесилии. Никого не обнаружилось. Может, она собирается рекламировать им «Таппервер»?

– Сесилия всех знает, – отозвалась Люси.

– А мы не можем сбежать?

– Слишком поздно, – уголком рта шепнула мама, блеснув зубами в широкой светской улыбке.

– Люси! – воскликнула Сесилия, приблизившись к ним с такой скоростью, что это было похоже на телепортацию, и наклонилась поцеловать ее мать. – Что вы с собой сотворили?

«Не смей звать мою мать по имени, – подумала Тесс, проникаясь мгновенной ребяческой неприязнью. – Миссис О’Лири, с твоего позволения!»

Теперь, когда Сесилия оказалась прямо перед Тесс, она отчетливо вспомнила ее лицо. У

нее была маленькая аккуратная головка, а косы сменила искусная круглая стрижка с четкими очертаниями. Выразительное открытое лицо, заметный глубокий прикус и две смехотворно большие ямочки на щеках. Она напоминала симпатичного хорька. И тем не менее ей достался один из братьев Фицпатрик.

– Я вас заметила, когда вышла из церкви. Похороны сестры Урсулы, вы слышали, что она отошла в мир иной? В любом случае я вас увидела и сразу подумала: это же Люси О’Лири в инвалидной коляске! В чем же дело? Так что я, как настоящая любопытная Варвара, подошла поздороваться! Коляска, кстати, выглядит добротно, вы ее в аптеке взяли напрокат? Но что же случилось, Люси? Это лодыжка, да?

О господи! Тесс показалось, что сама ее индивидуальность вытекает из тела. Такие вот разговорчивые, энергичные люди всегда оказывали на нее подобное воздействие.

– Ничего особенно серьезного, спасибо, Сесилия, – отозвалась мама Тесс. – Всего лишь перелом лодыжки.

– О нет, но это же как раз очень серьезно, бедняжка! Как же вы справляетесь? Как выходите из дома? Я принесу вам лазанью. Нет, обязательно. Я настаиваю. Вы же не вегетарианка, правда? Но думаю, именно поэтому вы и приехали, верно? – без предупреждения обернулась Сесилия к Тесс.

Та невольно отступила на шаг. Что она имеет в виду? Явно что-то касающееся вегетарианства.

– Поухаживать за мамой? Кстати, я Сесилия, если вы меня не помните!

– Сесилия, это моя дочь... – начала было мама Тесс, но ее тут же перебили.

– Конечно. Тесс, правильно?

Сесилия снова повернулась к ней и, к удивлению Тесс, протянула ей руку на деловой манер. Тесс успела мысленно отнести Сесилию к эпохе собственной матери, увидеть в ней старомодную богобоязненную даму, которая использует благочестивые выражения вроде «отошла в мир иной», а значит обычно стоит в сторонке, любезно улыбаясь, пока мужчины занимаются такими мужскими делами, как обмен рукопожатиями. Ладонь у нее оказалась маленькой и сухой, а хватка довольно сильной.

– А это, должно быть, ваш сын? – Сесилия лучезарно улыбнулась в сторону Лиамы. – Лиам?

Господи. Она знала даже его имя. Как это вообще возможно? Тесс понятия не имела, есть ли дети у Сесилии. Еще полминуты назад она не помнила о самом ее существовании.

Лиам присмотрелся, нацелил свою палку прямо на Сесилию и спустил воображаемый курок.

– Лиам! – одернула сына Тесс.

Сесилия тем временем застонала и схватилась за грудь, ноги ее подломились в коленях. Она разыграла это настолько правдоподобно, что на какой-то ужасный миг Тесс встревожилась, не падает ли она на самом деле.

Лиам поднес палку к губам, дунул на нее и довольно ухмыльнулся.

– Надолго вы в Сидней? – спросила Сесилия, перехватив взгляд Тесс.

Она была из тех людей, которые слишком долго удерживают зрительный контакт. Полная противоположность самой Тесс.

– Только до тех пор, пока не поставите Люси на ноги? У вас же своя фирма в Мельбурне, да? Наверное, вы не можете уехать слишком надолго! А Лиаму ведь нужно в школу?

Тесс обнаружила, что не в состоянии говорить.

– Собственно, Тесс как раз собирается записать Лиаму в школу Святой Анджелы на... некоторое время, – вмешалась Люси.

– О, как замечательно! – обрадовалась Сесилия.

Она так и не отвела взгляда от Тесс. Боже правый, эта женщина вообще хоть иногда моргает?

– Ну-ка, давайте посмотрим, сколько Лиаму лет?

– Шесть, – выговорила Тесс. Она опустила взгляд, не в силах больше это выносить.

– Что ж, тогда, выходит, он окажется в одном классе с Полли. Чуть раньше в этом году уехала одна девочка, так что вас запишут к нам. В первый «Д». К миссис Джефферс. Мэри Джефферс. Между прочим, она замечательная. И кстати, общительная, что очень мило с ее стороны!

– Чудесно, – слабым голосом отозвалась Тесс.

Просто изумительно.

– Лиам! Теперь, когда ты меня застрелил, подойди-ка поздороваться! Я слышу, ты теперь будешь учиться в нашей школе!

Она жестом подозвала Лиаму, и он побрел к ним, волоча за собой палку.

Сесилия согнула колени, полуприсев так, чтобы их с Лиамом глаза оказались на одном уровне.

– У меня есть маленькая дочка, с которой вы окажетесь в одном классе. Ее зовут Полли. В выходные после Пасхи она отмечает свой седьмой день рождения. Хочешь прийти?

Лицо Лиамы мгновенно приобрело отсутствующее выражение, из-за которого Тесс постоянно беспокоилась, не сочтут ли его люди умственно неполноценным.

– Мы устраиваем пиратскую вечеринку, – продолжила Сесилия, выпрямившись и повернувшись к Тесс. – Надеюсь, вы сможете поучаствовать. Заодно познакомитесь со всеми мамами. У нас будет собственный небольшой оазис для взрослых. Будем хлестать шампанское, пока вокруг буйствуют маленькие пираты.

Тесс поняла, что ее собственное лицо тоже утратило выражение. Должно быть, Лиам унаследовал этот оцепеневший вид от нее. Она не могла знакомиться с еще одной, совершенно новой компанией матерей. Общение со школьными мамочками давалось ей достаточно тяжело, даже когда с ее жизнью все было в полном порядке. Болтовня-болтовня-болтовня, водоворотики смеха, теплота, дружелюбие (большинство мамочек были неизменно милы) и затаенный намек на стервозность, прячущийся в глубине. В Мельбурне она с этим справилась, даже завела пару подруг на окраинах внутреннего круга общения, но этого подвига ей не повторить. Не сейчас. Ей не хватит сил. Как будто кто-то жизнерадостно предложил ей бежать марафон, едва лишь она выползла из постели, куда свалилась с гриппом.

– Чудесно, – отозвалась она.

Отговорку можно придумать позже.

– Я сделаю Лиаму пиратский костюм, – предложила мама. – Повязку на глаз, красно-белую полосатую рубашку, о – и саблю! Ты же хочешь саблю, правда, Лиам?

Она огляделась в поисках мальчика, но тот уже убежал и теперь ковырял своей пушкой ограду, словно буравом.

– Конечно, мы будем рады видеть на вечеринке и вас тоже, Люси, – заявила Сесилия.

Ее поведение раздражало, однако навыки общения были безупречны. Тесс наблюдала за

этим, будто за искусной игрой на скрипке: совершенно непостижимо, как людям это удается!

– О, спасибо, Сесилия!

Мама была счастлива. Она обожала вечеринки, в особенности благодаря угощению.

– Давайте-ка посмотрим, красно-белая полосатая рубашка для пиратского костюма.

Тесс, у него такой еще нет?

Если сравнивать Сесилию со скрипачом, то мама была простоватым, исполненным благих намерений гитаристом, изо всех сил пытающимся играть ту же мелодию.

– Мне не следует вас задерживать. Вы, наверное, как раз собирались подняться в кабинет к Рейчел? – спросила Сесилия.

– Нам назначена встреча со школьным секретарем, – ответила Тесс.

Она понятия не имела, как этого секретаря зовут.

– Да, Рейчел Кроули, – подтвердила Сесилия. – Отлично знает свое дело. Школа у нее работает как швейцарские часы. Собственно, она делит эту должность с моей свекровью, но, строго между нами, по-моему, всю работу делает Рейчел. Вирджиния только болтает целыми днями. Кому бы говорить... Ну, собственно, это я в виду и имею – я тоже не прочь поболтать.

Она радостно рассмеялась над собственной шуткой.

– И как поживает Рейчел в последнее время? – многозначительно спросила мама.

Хорьковое личико Сесилии разом помрачнело.

– Я не так уж хорошо ее знаю, но слышала, что у нее есть чудный маленький внук. Джейкоб. Ему недавно исполнилось два года.

– А, – выдохнула Люси, как будто это все объясняло. – Это хорошо. Джейкоб.

– Что ж, Тесс, очень рада была повидаться, – заключила Сесилия, снова пронзив ее немигающим взглядом. – А мне пора бежать. Нужно успеть на занятия по зумбе^[9] – я хожу в спортзал дальше по улице, это замечательно, тебе обязательно стоит как-нибудь попробовать самой, очень весело, а потом я еду прямо в то местечко в Стратфилде, где торгуют товарами для вечеринок. Дорога неблизкая, но оно себя оправдывает, цены там просто удивительные, я серьезно, набор из сотни гелиевых шариков там и пятидесяти долларов не стоит, а мне в ближайшие месяцы предстоит столько вечеринок: это и пиратская вечеринка Полли, и собрание родителей первоклассников – на которое ты, разумеется, тоже приглашена! – а затем мне еще нужно развезти заказы из «Таппервера». Я, кстати, работаю на «Таппервер», Тесс, так что если тебе что-нибудь понадобится... В любом случае все это надо успеть до окончания уроков в школе! Сама знаешь, каково это.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Таппервер» – американская компания, торгующая посудой методом прямых продаж через независимых консультантов. – *Здесь и далее прим. перев.*

Актuariй – специалист по страховым расчетам.

«Веджимайт» – национальное австралийское блюдо, густая паста на основе дрожжевого экстракта.

«*Весонаблюдатели*» – существующее с 1963 года общественное движение с собственной системой для похудения и диеты по балльной схеме.

Примерно соответствует 60–62-му российскому размеру.

Министрант – в латинском обряде католической церкви мирянин, обычно юноша, прислуживающий священнику во время мессы и иных богослужений. То же, что алтарник в византийском обряде.

Австралийская музыкальная группа, исполняющая песенки для детей.

Кэроб, или рожковое дерево. Бобы, в том числе, используются как суррогат какао.

Зумба – авторская танцевальная фитнес-программа.